

УДК 929 МУХА:57

Б. Б. МУХА

Одесский национальный университет

О СЕБЕ И О ВРЕМЕНИ

(окончание¹)

Работа в НИЧ университета

После истории с книгами В. В. Сердюк, ректор ОГУ принял решение перевести меня в научно-исследовательский сектор, поскольку следствием не был установлен состав преступления.

В этот достаточно напряжённый этап жизни неоценимую помощь и поддержку мне оказал В. Н. Кадурич, бывший студент. Доцент И. В. Носырев зачислил меня в лабораторию аксессуарных минералов. Пригодились мои способности в рисовании и умение фотографировать микрообъекты под микроскопом. Следующее задание было – организовать реконструкцию помещения бывшей котельной корпуса биологического и геолого-географического факультетов на Шампанском переулке, 2 (под залом зоологического музея со скелетом кита). Когда были выполнены строительные работы, через знакомых помог стройгруппе ОГУ приобрести облицовочную плитку не только для целей оборудования лаборатории, но и для помещений душевых общежитий. В мастерских университета изготовили вытяжные шкафы, которые после доставки к корпусу, через прямки и окна полуподвала опустили в лабораторию, смонтировали.

Встал вопрос о необходимости монтажа вытяжной вентиляции для функционирования вытяжки из шкафов, но сперва следовало разработать техническую документацию. Через начальника учебно-экспериментальных мастерских связался с инженерами, имеющими право оформлять такую документацию. За работу следовало заплатить, т.к. это услуги сторонних организаций. Договорились, что искомую сумму можно получить, если попросить материальную помощь из ректорского фонда. Нашли сотрудников, заявления которых позволили получить деньги и заплатить за проектную документацию. Дальше было делом техники: найти необходимой мощности вентиляторы, изготовить короба вентиляционных труб, смонтировать, подготовить эксплуатационные мощности для приёмки комиссией из санэпидстанции. Удалось даже в помещениях постелить паркет, хоть проректор по хозяйству Рутовский и говорил, что в его жизни ещё не было прецедента, чтобы в подвале стелили паркетные полы.

Когда помещение лаборатории было оборудовано соответствующими приборами, появилась возможность изучения вскрышных пород угольных месторождений Средней Азии. Получил возможность снова, как в детстве, попасть в Ташкент. Буроугольные месторождения в Средней Азии расположены по обрамлению Ферганской долины. Экспедиция «Средазуглеразведка» расположена в г. Ангрэн, примерно в 90 км к югу от Ташкента. Ежегодно (с 1983 по 1992 гг.), как правило, раз в квартал самолётом вылетал в Ташкент. Довелось побывать на месторождениях: Ангрэн, Тегенек, Сулюкта, Шураб... Интересное ощущение: на географической карте обозначено – железная дорога заканчивается в г. Шураб. Но это – на карте. Совсем другое дело, когда видишь тупик на путях, где заканчивается эта дорога. Подобное ощущение границы какого-то пространственного объекта я ощутил, когда был в Молдавии, на границе с Румынией: петух поёт румынский, и собака лает на чужой территории.

¹ Начало см. № 2. 2011

Работа, в основном, заключалась в отборе проб после бурения разведочных скважин на уголь. Опробование слоёв, расположенных над угольной толщей, следовало изучить на предмет установления минералогического состава с тем, чтобы полезные компоненты можно было использовать в народном хозяйстве под какие-то производства. Это – идея, т.е. так, как должно было быть. На деле было иначе. В толще углей Ангреноского месторождения было установлено наличие прослоя с повышенным содержанием германия, который был необходим для изделий радиоэлектронной промышленности. Другими словами следовало селективно (выборочно) изымать этот прослой с последующими специальными действиями, чтобы выделить германий из остальной толщи. Был свидетелем того, что была даже сооружена одна стена будущей теплоэлектростанции. Эту стену и показали по центральному телевидению, как законченный объект. На этом подлог не кончился. Когда завершили строительство инженерного сооружения, выяснилось, что для будущего получения золы с германием следовало установить печи для сжигания низко пламенного угля, т.е. того угля, который содержит германий в каком-то соединении, но такого готового устройства не оказалось: смонтировали топку, которая была в наличии. В результате, уголь стали возить по железной дороге из месторождения Джеккаган.

Как-то начальник экспедиции «Средазуглеразведка» признался, что результаты минералогического анализа из одних и тех же скважин он дублировал: образцы отправлял на анализ в Ташкентский университет (после того, как были взяты пробы на анализ геологами ОГУ). Оказалось, что наши специалисты диагностировали на 4–5 минералов больше, чем ташкентские коллеги.

Испытания были и другого плана: главный геолог экспедиции В. С. Кудряшов который ранее был референтом министра геологии Афганистана, при знакомстве показал мне фотографию, на которой были сняты какие-то объекты органического происхождения: ни откуда объекты, ни их возраст – не сообщил. Я ему ответил, что азиатские формы жизни не знаю, но по внешнему виду можно предположить, что засняты пресноводные рачки-остракоды. «Сработаемся!» – было заключение.

Были и «подковырки». Во время одного маршрута по полевому знакомству с породами, залегающими над угольной толщей Ангреноского месторождения, обнаружил довольно крупный позвонок какого-то млекопитающего. На водных обитателей он не был похож; возраст песков, по данным геологов экспедиции – палеоген, т.е. примерно 60–25 млн. лет. По литературным данным, крупные позвоночные в это время были только в Африке.

В. С. Кудряшов заметил, что до моего приезда никто не находил ничего подобного. Не привёз ли я позвонок с собой, чтобы произвести впечатление? Я ответил, что со мной в маршруте был геолог из группы спасателей их же экспедиции. Инцидент был исчерпан. (Кстати, окаменелость отправили специалистам в Москву, но ответа не последовало).

Много нового и интересного узнал за время работы в Средней Азии, причём такого, о чём мало известно нашему европейскому обывателю. Из неординарных событий следует отметить, что однажды в автобусе из Ташкента в Ангрэн уснул: сняли часы, не обнаружил часть денег, купонов и билет на самолет до Ташкента. Сделал вывод: правильно поступил, что все деньги и документы не были в одном месте. Но это, из более поздних событий.

Где-то в конце 1980-х годов летом пришло требование: до конца августа прибыть в Ангрэн, иначе будет расторгнуть договор. Откладывать отъезд было нельзя, билетов на самолет ни прямым рейсом, ни через Москву, ни через Симферополь не было. Ситуация безвыходная. Неординарное решение принял в мою пользу доцент В. Н. Кадури: у него был знакомый командир эскадрильи летчиков, летающих на Ташкент. Короче, я прошёл с экипажем и вместе с ними летел в кабине в Ташкент. Одно неудобство – нельзя было в Грозном выходить с пассажирами в зал ожидания, пока заправляли самолёт: штурман объяснил, что официально меня на борту нет.

Когда увиделся с начальником экспедиции, выяснилось, что на географическом отделении учится его племянница из Гнивани. Нужно было её оформить на хозтему лаборантом, чтобы она была менее зависима от родителей в финансовом отношении.

Рассказывать о моих впечатлениях относительно Средней Азии можно долго. Остановлюсь на самых ярких воспоминаниях.

Итак, если лететь самолётом Одесса – Грозный – Ташкент, за бортом узнаваемо побережье Черного моря до Николаева. Южный берег остаётся слева по ходу маршрута, затем Большой Кавказский хребет (в ясную погоду был виден Эльбрус) до Махачкалы, посадка в Грозном, заправка самолёта. После взлёта маршрут на Шевченко (Каспийское море), далее на юго-восток до Аральского моря (точнее – того, что от него осталось), вдоль долин Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи до Самарканда, отсюда – на Ташкент, аэропорт которого в любой сезон года встречает запахом керосина и выхлопных газов. Город, который принял тысячи эвакуированных в годы Великой Отечественной войны, в своей старой части в виде глинобитных, саманных одноэтажных домиков и длинных заборов из саманного кирпича сохранился только на выезде в направлении Ферганской долины.

Обычно при строительстве жилого дома декхане (местные крестьяне) делают из тополей прямоугольники по числу стен. В прямоугольники по диагонали размещают еще один ствол тополя – для устойчивости конструкции, затем свободное (внутри сооружения) пространство закладывают лепешками или «кирпичами» из самана – смеси глины, воды, стеблей риса, иногда с примесью половы. Крыша – настил из веток тутовника с шелковицы (листья тутовника ранее были скормлены гусеницам. Кокон затем обрабатывают паром и получают нить для шелка).

Дома в центральной части Ташкента – красивые многоэтажные современные здания, построенные на месте разрушенных в результате землетрясения. В городе много современных памятников историческим личностям прошлого, много фонтанов, но мало мечетей. В центре города сохранилось здание царского наместника, которое, можно сказать – органически вписывается в городской пейзаж. Деревья, в основном – чинара (платан) посажены на улицах и вдоль дорог. Город огромный по площади, население пёстрое по составу и одежде. Мужчины носят на голове тюбетейки с орнаментом по периметру этого головного убора. По характеру орнамента можно узнать район, из которого приехал владелец тюбетейки. Халаты носят, в основном, представители старшего поколения, и, преимущественно – жители сельской местности. Возможно, мне попадали такие собеседники, но историю своей страны (республики), знают плохо. Язык общения в городах – русский, но собеседники понимают друг друга вне зависимости, беседует узбек с таджиком, кореец с киргизом. Среди прохожих иногда попадаются азиатские лица с голубыми глазами. Мне говорили, что это, в большинстве случаев таджики, а цвет глаз – память о временах Искандера (Александра, называемого Македонским), который колонизировал многие территории, в том числе и современной Средней Азии.

На базарах изобилие восточных товаров (есть ещё зелёные базары, на которых торгуют только сельскохозяйственной продукцией). Если привозят дыни или арбузы, то это грузовик с прицепом. Продаёт обычно мужчины, один – два человека. Лучшие дыни, которые привозили самолётами в Одессу, называются «мирзачульские», а самые ранние – «кандалашка».

Персики много, но они какие-то водянистые. Такие же и арбузы, по вкусовым качествам уступающие нашим херсонским. Женщины, в большинстве случаев, торгуют лепёшками, зеленым луком, редисом, редькой, семечками.

В магазинах промышленных товаров, по меркам жителя СССР, было море: много импортной обуви, много модельной одежды, причём – знаменитых фирм, много изделий из золота, много тканей на любой вкус, в том числе из хлопка разного орнамента и назначения. В те годы издавалось очень много книг, естественно на русском языке. Качество бумаги разное, как и в другой книжной «мекке» 1970–1980-х годов – Молдавии. Следует отметить, что в указанные годы было практически повсеместное увлечение собиранием домашних библиотек. Однажды я в одном книжном магазине оставил почти все наличные, равные стоимости авиабилета на рейс Одесса – Ташкент.

У меня была возможность побывать в разных городах, есть что с чем сравнивать. К примеру, в Киргизии зашли в универмаг. Весь этаж – обувь, одного фасона, только разных размеров. Под всеми ценники с надписью: «басанюшка», размер и цена.

Моими «гидами» по местным достопримечательностям были, в основном, главный инженер В. П. Мельниченко, земляк из Вознесенска и председатель профкома экспедиции Перемкулов Сайдали, в последующем закончивший заочно геологическое отделение. Когда это случилось, вместе с дипломом ему вручили «медаль» «За освобождение Одессы».

Стоит рассказать об одном «выдающемся» путешествии. Начальник экспедиции и главный инженер однажды, в период очередного приезда в Ангрэн летом отрядили меня и коллегу из лаборатории ОГУ в Тегенек. Там собирались закладывать ствол шахты под будущую добычу бурого угля, провели разведочное бурение. Что-то не устроило руководство экспедиции в результатах этого бурения, и нас двоих в сопровождении начальника полевой геологии и участковым геологом автобусом экспедиции направили на это месторождение.

Предстояло ехать через Камчикский перевал по горной дороге, которая всё выше поднималась в горы. В понижениях рельефа – «саях» появились снежники, стало прохладно. Слева по маршруту – склоны гор, справа – долина реки Ангрэн. Затем река где-то осталась в стороне, но появился опасный поворот, который братья-славяне, работавшие в Ангрэне, называли «Пронеси, Господи!». Опасность заключалась в том, что если вверх или вниз ехал «длинномер» с трубами или сваями, при повороте средняя его часть выдвигалась за пределы проезжей части дороги: малейшее неверное действие водителя и машина опрокидывалась, часто цепляя за собой встречные автомобили. Когда проехали это место, местные геологи обратили внимание на опрокинутую внизу кабину автомашины со словами: «Не успели убрать!».

На перевале остановились передохнуть, сфотографироваться. Начали движение с перевала, но водитель вдруг остановился, предложил нам размяться, погулять. Мы поступили по его совету, а он полез под машину. Примерно через час позвал нас в салон, поехали. На вопрос: почему остановились, ответил, что произошла какая-то поломка полуоси на заднем колесе. Хорошо, что это произошло уже за перевалом, на более-менее пологом участке дороги.

На радостях от такого поворота событий где-то в городе купили литровую бутылку водки и лепешек. Следует заметить, что за многие дни и, вероятно, годы, проведенные в командировках, выработал привычку иметь с собой небольшой запас продуктов типа сала, сахара, кофе, чая, халвы и проч. В этот раз с собой, кроме прочего, была копченая мойва. (Многие местные рыбу не едят ни в каком виде, поэтому она редко бывает в продаже, тем более – копченая). После решения хозяйственных вопросов, в жару свыше 50 градусов пошли на берег реки Нурек: там талая вода с ледников и снежников около 12–15 градусов. Из туристских ботинок вытянул шнурки, связал, надёжно привязал бутылку и опустил в воду. Минут через 10 у нас на камнях был охлаждённый напиток, как в лучших ресторанах.

А на следующий день машиной поехали к буровой, поставленной на месте планирующейся угольной шахты. И здесь выяснились интересные детали: буровики где-то задержались в дороге, на место будущего бурения не просто прибыли с опозданием, но не смогли подъехать машиной, т.к. после дождя раскисла глина на склоне. Приняли решение начать бурить на той отметке, до которой добрались, попали в зону дробления, т.е. в полосу разлома горных пород, где цельность пластов нарушена. В результате бурения в керны стала попадать порода, которую не знала техник-геолог. Она решила проблему весьма оригинально: те образцы пород, название которых она не знала, она просто выбрасывала! Другими словами, если бы не наш приезд в Тегенек, трудно даже представить последующее развитие событий.

На этом месторождении были древние китайские разработки (норы), по рассказам, якобы добывали до XVII века серебро. Однако последующие исследования показали, что самые продуктивные толщи они выбрали. И возникает вопрос: «Как без современного оборудования им это удалось?».

Обратную дорогу выбрали через Наманган, где... «яблоки зреют ароматные», как пелось в одной из песен тех времён. Мой напарник по командировке неосторожно попил воды из крана, т.е. не кипячёной. Последствия дали о себе знать в пути. Это потом от расстройства желудка он

спасался, поедая концентрат какого-то киселя в пачке, а до того была одна проблема: нужно было найти туалет. Он озадачил меня, а я предложил попутчикам остановиться возле базара, полагая, что в этом общественном месте мы точно найдем туалет.

Зашли на отгороженный от улиц и дорог округлой формы зелёный базар с лотками и прилавками по периметру. По краям были расположены и небольшие канавы с проточной водой из арыка, которая давала свежесть, т.к. вода стекла откуда-то с гор. Разделились, пошли друг другу навстречу от входа и почти одновременно нашли это «заведение». Следует отметить, нашли не по запаху: длинное строение из плетёной лозы тутовника (шелковицы), оштукатуренное саманной глиной. Вход один, общий. За невысоким забором своеобразная «прихожая», на земле стояли несколько своеобразных кувшинов с длинными «носиками» и мангал для шашлыков, (который уже не годился за сроком годности для приготовления шашлыков), полный удлинёнными гальками из местных горных пород. (Сосуды местными жителями используются в гигиенических целях, чтобы помыть свой зад после «процедуры»). Поскольку бумага всегда была дефицитом в Азии, гальку использовали после того, как оправились. Само «устройство» для освобождения желудка представляло собой отдельные кабинки высотой примерно до пояса стоящего в них человека. Довольно оригинально, т.к. видно в сидячем положении соседей. Разделения на мужскую и женскую половины не было.

Следует заметить, что сосуды, которые используются в туалетах с конкретной целью, я видел у улетающих из Ташкента туристов, увозящих, полагаю, в качестве сувениров эти специфические изделия, при этом гости Азии, скорее всего, не имели представления об истинном назначении этих «приборов».

Своеобразными были детали пребывания в командировке в 1992 году. Опыт предшествующих поездок, точнее – проблемы с билетами обратно, подсказали вариант: по телефону просили председателя месткома экспедиции заказать билет или билеты до Одессы. В тот раз до Одессы в планируемое время билетов не было, но были до Кишинёва. Так как летели вдвоём с сотрудником лаборатории аксессуарных минералов П. И. Кондратенко, согласились на вариант возвращения в Кишинёв, а оттуда в Одессу дизелем. Так планировали.

После выполнения объёма необходимых работ в экспедиции и кернохранилище, попрощались и уехали в аэропорт Ташкента. Сделали это загодя, чтобы водителю не возвращаться в Ангрен в ночное время. Дело в том, что самолет прилетал в Ташкент в 3.50, а на Одессу отправлялся через час. Это время, когда местные жители только просыпаются, учитывая разницу во времени по часовым поясам. Подошло время начала регистрации на наш рейс, но ни на табло, ни по вокзальной связи никакой информации не было. Обратились в справочное бюро, а оттуда звучит: «Рейс отменён. Вы что, не знаете, – там война!». В наше мирное время? Какая война? Вот там мы почувствовали, что находимся не в Европе. Посоветовались между собой, т.к. в справочном сказали коротко и весомо: «Сдавайте билеты!» А дальше что делать? Подсказали, что ближайший рейс в Украину и ещё есть билеты – через двое суток, в Донецк.

Решили рискнуть, билеты сдали и поехали в кассы предварительной продажи авиабилетов. Удачно, билеты взяли и решили вернуться в Ангрен. Там хоть какие-то знакомые есть, да и переночевать есть где. Мне не один раз «везло» ночевать в гостинице аэропорта «Ташкент», на четвёртом этаже: за лестничной площадкой во всю длину здания сплошной «номер», в котором у одной и другой стенок здания выставлены койки (не считал, но, наверное, по 40–50 штук с каждой стороны). В мой первый счастливый случай с ночёвкой (есть другой вариант: спать перед зданием аэропорта на скамейках, если повезёт, или на газонах, подстелив картонные коробки), в этом «номере» спали мужчины. В следующий раз пребывания в гостинице уже «социальной несправедливости» не было: спали на койках и мужчины, и женщины, вперемежку, занимая просто свободные койки.

Вернулись в Ташкент, чтобы не опоздать на рейс, а он ещё и откладывался. Наконец, сели в салон АН-24, полетели навстречу весне (это было в марте, в Азии, по нашим меркам, тепло).

В Донецке было довольно прохладно, решили попробовать добраться в Одессу по железной дороге. О самолете и не думали, т.к. не было лишних денег на билет. В Ясиноватой в кассе «обрадовали», что билеты будут по прибытию поезда. Этого не произошло, билетов не было даже общих. Понятно, что между проводниками и кассирами – сговор. Но ехать надо, пошли проситься к проводникам. Со второго раза повезло: проводница согласилась нас впустить, якобы кто-то должен был сойти в Днепрпетровске. Отдали ей стоимость билета, устроились на нижнее боковое место возле туалета. Никто не вышел из вагона, полок свободных не было. Благо, что у меня был свой «завтрак» – сало и лепёшка. В Одессу всё таки приехали, выслушали замечания близких: «Почему не позвонили?». А о чем можно было сообщить?

Полагаю уместным поделиться ещё некоторыми своими воспоминаниями, наиболее яркими. Понимаю, что некорректно рассказывать о регионе по впечатлениям, об одном городе, но есть преимущество в этом плане: почти 10 лет наблюдений в период командировок, которые были по одной в квартал.

Итак, абсолютно своеобразная кухня, поскольку все основные блюда приготовлены на хлопковом масле. (С моим гастритом это обстоятельство значительно ограничивало ассортимент блюд, которые можно было употреблять без последствий для самочувствия). Кроме того, высокая температура днём лишает европейца желания что-то есть в большом объёме: всё это происходит в вечерние часы, когда приходит прохлада с гор. Духота в воздухе, желание спрятаться в тень ближе к арыку с текущей с гор прохладной водой внесли коррективы в уклад жизни аборигенов. Днём мужчины сидят где-нибудь возле воды в чайхане и пьют зелёный чай, бесконечно долго. По этой же причине, как объясняли коренные жители, еда обычно состоит из одного-двух блюд, но обильных, которые съедают вечером. Салаты, как таковые, это изобретение европейцев.

С мотыгами (кетменями) видел, преимущественно женщин. Если на хлопковом поле работал мужчина (мираб), то специалист высочайшего класса, обеспечивающий равномерный полив всего поля с хлопчатником, регулируя необходимый объём воды каждому кусту хлопчатника. Традиционных для наших краёв посевов пшеницы или других зерновых, в том числе обычных для нас полей подсолнечника, не встречал. Много виноградников, но не в поле, а рядом с усадьбой, перед домом. Обычны плодовые деревья рядом с частным домом: яблони, грецкие орехи, гранат, и практически повсеместно – урюк (абрикосы). Для получения кураги (по классике), плоды без косточек окуривают дымом горячей серы (сам не видел). Мне показывали склоны гор, на которых вялят виноград до получения конечного продукта – изюма или кишмиша. Есть специальный человек, который время от времени переворачивает грозди под лучами солнца.

На улицах обычны розы, их относительно редко продают даже в качестве подарочных цветов. «Королевскими» цветами местные считают гладиолусы. В розничной торговле, в период очень знойного августа, большой популярностью пользуется морс (холодная вода с добавками сахара и мятных приправ, типа мятных конфет). Бочки с такой водой есть на каждом квартале. Если идти днём и пешком, одной «заправки» морсом как раз хватает до следующей бочки на колесах. В Ангрене мэр города запретил продавать пиво в будках в городской черте – только на объездной дороге. Так как там проблема со стеклянной тарой, вино или водку можно было купить только при условии, что сдал пустую бутылку. По этой причине мужики славянской принадлежности нашли выход: покупали бутылку хлопкового масла, которое в изобилии, масло выливали, а дальше всё шло как обычно. Какой-то год мне демонстрировали, что водку продавали в поллитровых банках. Народ это не смущало.

Перед каким-то Новым годом, когда повсеместно был «дефицит», Перемкулов как председатель профкома, мне, как своему, выдал талоны на мясо, масло, картофель (не воспользовался, талоны сохранил как сувенир) и сигареты в кулёчке. Это – выкурил.

Хлеб, откровенно говоря, местные вкусным не научились делать, поэтому на базарах, у магазинов, на перекрёстках продают лепешки, сделанные на какой-то кислой закваске. Эти лепешки хороши и к чаю, и к шашлыку, и к дыне. (Я говорю о своих вкусах).

В период борьбы с алкоголизмом, когда водку («самопальную») привозили на грузовиках, которые останавливались на окраинах города, в столовой с вполне европейской кухней в г. Янгибаде (там в буфете можно было даже купить бутылку минеральной воды «Боржом»), обратил внимание на одного старичка, который сидел со своим сверстником (по годам), на столе вполне «официально» стояла бутылка водки. (Обычно мужики переливали водку в чайники, а они – глиняные, и оттуда под видом чая наливали себе в присутственных местах). На другой день этот же старик, снова с бутылкой водки сидел один на один с другим бабаём (стариком). Милиционер к этому относился волне благосклонно.

Я решил, что этот старик, или почётный гражданин города, или может какой-то герой. Однако ответ был неожиданным: этот старик остался без родни, и он просит прощения у каждого своего друга или товарища за свои проступки при жизни, поскольку каждый, с кем он сидел в кафе за столиком был потенциально тем человеком, который будет хоронить этого старика.

Другая неожиданность для меня была однажды на местном базаре: прилично одетый, можно сказать – ухоженный мужчина средних лет просил милостыню. Мой попутчик дал ему 5 рублей. Я спросил: «Что, это знакомый?». Ответ тоже был неожиданный: «Представляешь, через что ему пришлось пройти, чтобы обратиться за материальной помощью к незнакомым людям?». Так что прав был товарищ Сухов из «Белого солнца пустыни»: «Восток – дело тонкое!».

Отношение местных жителей ко мне было нормальным. Я проявлял внимание и заинтересованность к обрядам, привычкам и обычаям аборигенов; они мне отвечали тем же. По меркам Средней Азии в автобусах и метро (в Ташкенте) женщины моих лет и даже старше уступали место для сидения. Мужчина! Там равноправие полов какое-то своеобразное. Женщины на свою «второсортность» не жалуются. Больше того, как-то в газете «Правда Востока» прочитал, что молодые женщины какой-то автономии были против отмены, или даже запрещения использования калыма при вступлении в брак. Им даже нравилось, что за одну заплатили стоимость «Москвича», а за другую – стоимость «Волги». При этом в порядке вещей, когда у одного мужчины – две – три жены. При мне состоялся разговор. Главный инженер экспедиции спросил помощника бурового мастера: – А где отец?

– У жены!

– У матери, что ли?

– Нет, я же сказал: у жены.

Пришлось додумывать, что имелось в виду.

Откровенные угрозы в адрес русских слышал только от крымских татар, живущих в то время в Ангрене. При этом, когда националисты стали «выдавливать» не местных за пределы региона, в Коканде на обувной фабрике на простынях появились лозунги: «Русские братья! Не уезжайте!». И это касалось не только Коканда. В Ташкенте огромный авиационный завод, на котором ремонтировали истребители, стоявшие на вооружении за пределами СССР, собирали некоторые модели гражданских самолётов. Кто там работал в цехах на сборке? На этот вопрос легко найти ответ, т.к. местные, в своём большинстве, умеют хорошо торговать. И так было всегда.

С событиями в Афганистане, точнее – с теми, кто принимал участие в боевых действиях, встречался только в аэропорту «Ташкент». Дело в том, что военные самолеты, которые осуществляли связь Союза с войсками в Афганистане, приземлялись на другом аэродроме – «Чингелды», на окраине Ташкента. Один раз с ребятами, которые должны были отправляться в Афганистан, ночевал в гостинице, о которой уже писал ранее. У одного из парней (звание определить было нельзя: они все были в нижнем белье), вероятно, был день рождения. Замполит шёпотом сказал (они уселись на две, рядом стоящие кровати лицом к лицу):

– Если пьянку нельзя предотвратить, – её нужно возглавить! Я пошёл за стаканами!

Все ли они вернулись живыми?

Положительные впечатления о пребывании в Средней Азии несколько портят воспоминания о некоторых событиях, к которым я имел отношения.

По-моему, в начале 1990-х годов в аэропорту Ташкента изменились правила пребывания в здании вокзала. Возможно, это было правильное решение, т.к. по углам здания аэропорта, действительно, много было личностей, которые (внешне) никуда не собирались лететь. Другими словами, в помещение аэропорта стали впускать только при наличии билета на рейс. Со временем, когда я был в очередной раз в командировке, при регистрации билетов и багажа, рядом со стойкой регистрации на рейс в Одессу (может быть, так было и на другие рейсы) появились лица в гражданском. Каким образом они выбирали пассажиров для досмотра содержимого багажа, не знаю, но был однажды свидетелем, когда из чемодана женщины передо мной забрал этот таинственный тип банку тушенки, банку кофе и ещё что-то. Определение было одно: «Не положено!», при этом, нигде не значилось запрещённым к вывозу то, что он изъял. Впечатление было такое, что он взял то, что ему понравилось. Рассказал об этом «новшестве» коллегам-геологам в Ангрене. Оказалось, что мои подозрения не лишены основания.

Когда на экзаменационную сессию в Одессу летел Саид Али (о нём я писал раньше), он подготовился к отъезду более тщательно: приехал в аэропорт с братом. Среди пассажиров, которые улетали позже, для брата попросил билет, который брат пообещал вернуть после завершения регистрации. Ситуация повторилась: «досмотрщик» протянул руку за банкой растворимого кофе (тогда в Одессе это был дефицитный товар), разовыми лезвиями для бритья и что-то ещё (не помню). На вопрос: «Почему нельзя», – ответа не последовало. Тогда Саид Али забрал отобранные вещи и отдал их брату, который стоял рядом. «Вы бы видели его выражение лица! А я ему сказал: «Раз нельзя, – отдам брату», – рассказал потом Саид Али при встрече. Ну, а я остался без сувенира.

Бывали случаи, когда по громкой связи объявляли о задержке рейса на 2–3 часа. Раз мы с коллегой, Петром Кондратенко, на этом попались: решили использовать свободное время и троллейбусом поехали на рынок. Что-то подсказало, что нужно вернуться раньше. И правильно: мы отсутствовали часа полтора, но к этому времени регистрация закончилась. Вопрос: кому жаловаться? Что, задержат вылет? Тогда мы стали настаивать о своём праве на полёт, показали, что билеты заказывали предварительно и прочее. Короче, нам разрешили пройти к самолёту, но с условием, что не будут кормить. Кому жаловаться? Вот такая бывала «гостеприимная» азиатская земля. (Снова спасла моя привычка иметь запас сала и лепёшку).

Как-то летом я приехал днём в аэропорт, задолго до рейса, от безделья бродил по зданию в надежде занять освободившееся место на скамейках. Рядом оказалась группа ребят-школьников, которые из Семипалатинска летели на какие-то соревнования. Они рассказывали пассажирам подробности: при посадке в Ташкенте у самолёта Як-40 заклинило одно колесо, пилот принял решение садиться на одно шасси. Когда скорость упала, самолёт одним крылом упёрся в землю (или асфальт, – не знаю) и стал вращаться вокруг этой точки, пока не погасил скорость. Обошлось без жертв, но я, можно сказать, «наглядно» понял почему на полки над сидениями нельзя класть тяжёлые или громоздкие вещи.

Однажды, сдав вещи в багаж, взял с собой в салон только букет роз (у нас было ещё холодно) и в кармане был японский радиоприёмник – «мыльница». Кто дал «наводку», не могу представить, но милиционер перед выходом из здания потребовал развернуть цветы, освободив от целлофана. Ничего не обнаружив, предложил вскрыть заднюю стенку у приёмника.

– Не простое это дело, – ходить в гости, – говорил Винни-Пух из известного мультфильма.

Работа на Севере

Отдельная «песня» о пребывании на территории Большеземельской Тундры. Под таким названием часть территории, которую мы исследовали в 1985 г., значится в геологических трудах.

Город Усинск – скопление 9-этажек на ограниченной территории, который по периметру можно за 30 минут объехать на велосипеде, (велосипедов здесь не видел.) Основное население –

молодые специалисты. О возрасте города мог свидетельствовать тот факт, что в городе не было кладбища. Единственный умерший – мотоциклист, который разбился и похоронен рядом с местом гибели. Деревья, видимо, вырублены при строительстве города. Несколько в стороне от застройки находился длинный сарай из деревянных брусков, который местные мужчины знали как магазин, и называли его «огурец» за цвет окраски здания. В нём продавали алкогольные напитки: две бутылки в одни руки, вне зависимости от содержимого: вино или водка. Перед убытием решили стать в очередь и мы, всей командой: три сотрудника и два студента. Хотел заснять очередь на фотоплёнку: мужик впереди предупредил: побьют и будут правы. Стоять в очереди пришлось минут 40.

Сложность бытия аборигенов в том, что напитки везут поездом или самолётом с «Большой земли», т.е. из цивилизации. Проблема в следующем: о если уже что-то попало на эту территорию, скорее всего там и останется. Это могут быть лишние фермы моста, который построили без этой детали, лестничные марши или панели домов, огромное количество бочек от горючего и т.п. Правда, рассказывали, что в последние годы (т.е. в начале 80-х гг.) стали баржами отправлять стеклотару от соков, напитков, варений и «закруток». Дефицит витаминов там ощущается повсеместно. За головку чеснока можно выменять ведро картофеля. То, что в стеклянной упаковке, в изобилии в магазинах – польского, венгерского, болгарского производства. Как правило, 3-литровые банки оставляют там, где употребили содержимое.

Самый престижный напиток в регионе – пиво. Как его пьют – наблюдал в бане. Как правило, это – священнодействие. Один счастливчик, на виду у всех завистников, с видимым блаженством на лице употребляет. Это. Присутствующие – принимают «участие» как наблюдатели. Понять, кто это – возможности нет: все голенькие. Тех, кто «расконвоирован» или живёт на «поселении», знают только местные по только им известным признакам. Между собой «зеки» или те, кто к ним имел отношение, определяют: «наши» или «вольные»? Однажды на предплечье одного из этих товарищей увидел изумительного качества наклку с портретом Володи Высоцкого. Вольные такое произведение искусства себе позволить бы не смогли.

Этот маршрут был интересен не только новыми впечатлениями, но и жизненными уроками, которые мне предстояло усвоить. Выехали мы из Одессы в окружении тополиного пуха, который летал в воздухе, а приехали в Усинск (ответвление от станции Печора ж/д пути в Воркуту), когда там на реках шёл лёд. На несколько дней пришлось из-за плохой погоды, в полном смысле этого слова, заняться подготовительными работами в ожидании «борта». Так называют вылет вертолётном «на точку» – начальный район проведения полевых геологических работ. Другая сторона вопроса – получение картографического материала. От него (и нашего владения навыками установления места взятия образца по изображению этого участка на топографической карте) зависела точность определения географических координат точек опробования. Т.е. конкретных объектов природы, где мы брали образцы пород для последующих анализов «на вещественный состав» и камерального этапа обработки образцов – попыток установления закономерностей геологического и геоморфологического плана. Так вот, с получением для работы топоосновы района работ появилась заминка. «Допуск» к работе с секретными отчётными материалами должны были получить все сотрудники ОГУ, командированные на обследование русла реки Большая Сыня, (по предварительной заявке), но этого не произошло. Получилось, что допуск есть только у меня, очевидно, по специфике работы в палеонтологическом музее, но, как сказали в спецотделе экспедиции г. Усинска, допуск оформлен не правильно. Начальник спецчасти был в отпуске, а «и.о.» сказала, что позволит сделать кальку с карты, но без обозначения названий притоков. Кроме того, не разрешалось чертить с оригинала контуры «один-к-одному»: следовало периодически сдвигать кальку относительно сторон горизонта. Мои увещания по поводу того: как нас будут искать вертолётчики в случае крайней необходимости остались висеть в «ноосфере». Кстати, в маршруте по этой причине мы дважды попали в одно и то же устье притока, не меняя маршрута.

Короче, ещё та получилась выкопировка. И всё на случай, если, не дай Бог, попадёт к врагам. Так называли специалистов из ФРГ и Канады, которые помогали в реализации проектов по добыче нефти из Усинского месторождения, самого западного в Европейской части СССР. К счастью, через главного гидрогеолога экспедиции (выпускника ОГУ) позже получили аэрофотоснимки региона.

Первый «капкан» случился, когда вертолёт нас доставил в район начала нашего полевого маршрута. Через окно стали видны вершины Приполярного Урала, что значительно севернее нашего региона. Стало понятно, что «проскочили». Лётчик попросил по нашей «карте» показать район высадки. Решили с начальником партии не позориться, и он по лётной карте указал место высадки, на которое и указал пилоту. Кстати, тогда с борта вертолёта увидел, как выглядели места «поселений» узников ГУЛАГа: остались кое-где сторожевые вышки и борозды в грунте в местах транспортировки леса к реке. В этой части маршрута наблюдал 3–4 таких лагеря, в основном, на расстоянии около 300–500 м от русла реки. Не добавляли оптимизма практически сплошные болота по берегам реки, на разном расстоянии от воды. Что характерно, потом, сплавляясь в надувных лодках вниз по течению, мы нигде не видели по берегам выходов дорог к воде.

В один из первых маршрутных дней со всеми картографическими материалами прошёл выше по течению реки, чтобы «привязаться» – сориентироваться на местности и найти место на карте, куда нас «занесло». Место выбрали удачно: и в рельефе, и на выкопировках был виден хребет, когда-то перегораживающий современное русло реки. Тогда же пришла в голову мысль, что ни один житель Земли не знает, где я находился в то время.

Здесь же, в Большеземельской Тундре «лично познакомился» с понятием «зона радиомолчания». По причине белых ночей радиосигналы не проходят. У нас связь с базой осуществлялась после 23 часов: через рацию «Пурга – 47» выходили в эфир, предварительно набросив на одно из деревьев антенну – так называемый «наклонный луч». Бывали случаи, когда нас слушали по радиосвязи за 700 км, но 200–300 км были вне зоны приёма. В таких случаях мы сообщали для нашего куратора от экспедиции оперативную информацию, точнее – на сколько километров продвинулись вниз по течению, о наших проблемах с продуктами питания. Их нам забрасывали вертолётном вместе с письмами с «Большой земли».

У меня был японский радиоприёмник – «мыльница». Даже подвесив его на длинный кусок проволоки, к которому «прибинтовывал» приёмник для увеличения поля антенны, кроме радио Китая, Кореи и Канады не удавалось настроиться ни на одну нашу, советскую, радиостанцию. Положение несколько изменилось в конце июля – начале августа: вечерами стало темнее, после 24 часов можно было поймать сигнал передачи «Для строителей БАМа». Только единожды, когда на лодках сплавлялись по реке в вечернее время, услышали голос А. Пугачёвой: «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом»...

Первый местный мужчина, которого мы увидели, пристал к берегу на лодке на второй или третий день. По обычаям Севера его пригласили к костру, угостили чаем. Узнали, что он – лесничий, что ещё нас могут посетить из «Рыбнадзора», т.к. власти пытаются «отловить» браконьеров, которые промышляли в это время сёмгой. (Позже мы встречали «ставники» на сёмгу без каких-либо намёков на наличие человека рядом.) Этот же «гость» подарил нам свежую рыбу: северную форель – хариуса и несколько кустиков радиолы розовой. Это был первый и последний раз, когда мы, будучи на реке, ели уху из свежей рыбы.

С заключёнными познакомились неожиданно. Учув запах дыма от костра в лесу, вдали от нашей стоянки, вышел на костерок с чайником на нём. Позже увидел владельцев, поздоровался. Никаких вопросов, расстались мирно. Позже узнали, что нас всех знают по имени и отчеству, знают об обязанностях в маршрутах и, наверное, что-то ещё. Случилось это по ходу маршрута. Мы ждали борт, который должен был доставить продукты питания. Однако пилот перепутал нас с группой московских палеонтологов, которые проводили раскопки пермской флоры ниже по течению реки. Рядом находился лагерь заключённых. Продукты оставили им – они были ближе

к месту посадки вертолѐта. От капитана КГБ, который якобы их охранял, узнали некоторые подробности. Оказывается, «зеки» отстаивали свои достоинства друг перед другом за право охранять продукты до нашего «приплывтия». Позже «обогатился» опытом «зеков» в стирке верхней одежды: они придавливали рубаху или брюки, которые следовало постирать, камнем на стремнине, т.е. там, где была самая большая скорость течения. Течение ударяло одежду об камни, следовало только периодически переворачивать стираемую вещь. Какое качество такой стирки – не знаю, но Володя, капитан, говорил, что так все стирают. Рассказал нам и о сроках, которые были назначены некоторым, и за что осуждены... Страшно! Благо, что мы с ними «не пересекались». Оказалось, что если кого-то нет в казарме месяц-два, никто не ищет: на север если ушёл, то это к морю, а на юг – все дороги перекрыты, по радио ставят в известность всех, кому следует об этом знать. На картах эти поселения «зеков» кокетливо значились «МТФ» – молочно-товарная ферма.

Катастрофа случилась со мной и одним студентом, когда вышли на равнинный участок реки. Зато после этого я узнал, что такое «прижим». У нас на юге об этом явлении известно, возможно единицам. «Прижим», – это когда река с высокой скоростью течения ударяет в берег. Если там растут деревья, то подмывает корни, деревья наклоняются в сторону реки. Но если идти по другому берегу, об этом опасном месте, если нет достаточных знаний, – не догадаешься. Подумаешь, «пьяный лес» – обычное для севера явление, связанное, в большинстве случаев, с оползневыми явлениями или проявлением термокарста. В местах прижима река стремится всё, плывущее на поверхности, развернуть поперѐк течения, лодка становится неуправляемой. Короче, мы «не вписались» по габаритам: лодка поднырнула под берѐзу, сбросила с верхней поверхности всё, что не вписывалось, в том числе и нас, и через метров 20 её прибило на мелководье. Здесь мы потеряли пару суток на попытки поднять со дна то, что ещё недавно было нашей экспедиционной собственностью. У студента утонула планшетка с паспортом и билетами из Одессы до Сыктывкара, фотоаппарат. Часть там и осталась лежать – очень высокая скорость течения. Кроме того, нужно было высушить подмоченные спальные мешки. Позже на автомашине «Урал» проезжал наш знакомый капитан. Успокоил нас, что у них в этом месте утонули два карабина и рация.

Когда прошли «караваном» из трёх лодок (две пятиместные и одна (грузовая) десятиместная) под железнодорожным мостом, стало очевидно, что нам впервые за время маршрута понадобятся денежные знаки. Стали лагерем на острове близ полотна дороги, оставили дежурного и отправились в «цивилизацию» – маленькую станцию под названием «Сыня». Купили все имевшиеся газеты с описанием минувших событий (это было время встречи Горбачѐва с Рейганом в Рейкьявике), побродили по двум магазинам, пошли договориться по поводу бани. Нам сказали, что чуть позже будут мыться солдаты, и мы можем бесплатно воспользоваться услугами бани (тазики и вода). Мы раз устраивали «баню», но полевую: сложили «туром» валуны, собранные в округе, вокруг камней зажгли костѐр и несколько часов его топили, чтобы прогрелись камни. Затем вокруг камней на землю набросали лапник из ели и пихты, соорудили шатѐр из палатки – баня готова. Когда вошли внутрь сооружения, на камни вѐдрами налили воды из реки, получили приличный пар, но вверху. В ноги было прохладно (всѐ же район вечной мерзлоты), поэтому паяльной лампой в вѐдрах согрели воду, которой и мылись. Бензина у нас была бочка, взятая из расчѐта на лодку с местным проводником, который, как нам думалось, будет нас снабжать рыбой, перевозить лодкой отобранные образцы и проч. Однако вода в реке быстро достигла своего минимума, лодка к нам добраться не смогла. Бросить бочку с бензином не позволяло образование, поэтому бензином заправляли паяльную лампу, и её пламенем я спасался в палатке от комаров, выжигая их по углам, а потом мы «ныряли» под марлевые пологи-накомарники – чехлы, натянутые над спальным мешком, который стелили на раскладушки. В бане встретились с солдатами, и я впервые понял, что лишения чего-то – это понятие относительное. Командир подразделения был славянин, а его подчинѐнные – все родом из Средней Азии. Не потому, что я – расист, но представил себе, что этому сержанту, по большому счѐту, не с кем даже поговорить. И так, видимо, каждый день.

Потом вернулись на свой остров, обустроили лагерь, стали выполнять маршрутную программу. Однажды из маршрута одного из участников экспедиции мотоциклом привёз местный парень. Второй участник маршрута должен был добраться пешком, благо местность равнинная и относительно открытая. Мотоциклиста накормили, из запаса угостили водкой. Он рассказал, что «прикипел» к этим местам в начале 1970-х годов, когда впервые попал в эти красивые места. Обычным занятием для него летом были походы в лес на неделю, десять дней, при этом с собой он брал мешочек муки, соду, соль, спички и снасти для ловли рыбы. Хариуса ловят местные на «кораблик» – плоскую доску длиной около 25 см и шириной около 5–7 см. К крайним по длине точкам прикрепляют, как вожжи, две нитки лески, которые находятся в руках рыбака. Другая часть устройства напоминает «хвост» воздушного змея, на конце которого прикрепляют (на расстоянии примерно 30 см от «кораблика») блёсны и крючки с наживкой). Рыбак держит «поводья», соединяющиеся с «корабликом» в двух руках, запускает эту доску вертикально в воду и, меняя длину лески в одной и другой руке до доски, – выводит её на середину реки, где самое большое течение. Хариус иногда хватается блесну, иногда ловится на крючок, на который насажен овод (бичий и олений слепни здесь летают в изобилии).

Самое удивительное для меня было то обстоятельство, что кастрюля не использовалась для приготовления еды. Из бересты (коры с берёзы) делается туюсок, т.е. изогнуть и сложить кору нужно, как коробку. В неё следует набрать воды, на костре согреть камешки, раскалёнными бросить их в воду туюска. Когда вода закипит, бросить рыбу, посолить. Есть луковица – уха будет вкуснее. Таким же образом можно приготовить чай, только для заварки используют листья растущей малины, смородины, черники и т.п. Лепёшка тоже готовится с использованием полоски бересты: внутренняя сторона коры березы используется как доска, на которой замешивают тесто (мука, вода, соль, немного соды). Густо замесить тесто, ладонями размять, придать форму лепёшки. Затем проткнуть лепёшку выстроганными длинными веточками (две-три штуки), воткнуть их в землю вблизи костра плоскостью к огню. Следить, чтобы не подгорели веточки у земли и периодически поворачивать лепёшку к огню одной и другой стороной.

Увидев на наших лицах удивление от такой методики приготовления еды в лесу, гость сделал замечание по поводу того, что мы неправильно сушим резиновые сапоги, располагая их у костра. Со временем резина пересыхает и трескается. (Точно!). Нужно в костре нагреть песок или, лучше, мелкие камушки, щепками или обгоревшими головешками по одному собрать их и бросить внутрь сапога: влага от нагретых камней быстро испарится. Под конец в сапоги можно натолкать сухой сфагновый мох – он заберёт остатки влаги. Можно насыпать в сапоги ядра гороха, который тоже вбирает влагу, оставить до утра, потом высыпать горох, но он в пищу уже не годится. Когда высохнет, то его можно снова засыпать во влажные сапоги.

А ведь использование нагретых в огне камней для приготовления горячей пищи своими корнями, наверное, уходит ещё к временам «трипольской культуры». Сколько же ещё мы забыли, став жителями т.н. «цивилизованного» мира городов, и не вписываясь в Природу при близком общении с ней? Ведь когда опрокинулись с лодкой, то лишились многих, вроде, второстепенных личных вещей (я остался без сменной обуви и вынужден был на берегу постоянно ходить в резиновых сапогах – броднях). Когда попытался что-то придумать, изготовить из подсобного материала, выяснилось – лапти-то я не умею плести! Нас не учили! А зачем? Мысль о том, что можно было бы изготовить постолы, как это делают в сёлах молдаване, тоже не посещала. Это, вероятно, для того, чтобы я глубже понял свою несостоятельность, как гражданин Планеты... Потом Боги, наверное, смилостивились надо мной: группа туристов, которая возвращалась в Печору до нас, на берегу оставила обувь, не нужную в городе. Я отобрал кроссовки (самые приличные, с позволения сказать), отремонтировал их и в них прилетел в Москву. Там купил себе что-то, соответствующее статусу геолога, который вернулся «с поля».

Работа в Одесской областной администрации

В 1992 г. прекратилось финансирование работ по изучению вещественного состава вскрышных пород угольных месторождений Средней Азии. Остались не воплощёнными новые направления изучения среды обитания жителей Ферганской долины. Среди них была попытка улучшить качество воздушной среды окрестностей Ангрена. Множество предприятий Ангрена и окрестностей «продуцировали» постоянный смог над городом – выбросы тепловой электростанции, работающей на угле Ангреновского месторождения, выбросы в атмосферу союзного предприятия «Резинотехника», которое использовало компоненты месторождения для изготовления резиновой оболочки трансформаторов, куда заливалось масло для охлаждения трансформаторов. Кроме этого были выбросы цементного завода, который снабжал сырьём завод железобетонных изделий и прочее. Много хлопот добавляли многочисленные грузовые автомашины, которые шли через Камчикский перевал (т.е. мимо Ангрена) в Ферганскую долину. По согласованию с начальником «Средазуглеразведки» занялись изучением этого вопроса, предложил ориентироваться на увеличение площади зелёных насаждений в долине. Следовало договориться с ботаническим садом Ташкента по подбору пород деревьев и кустарников для продуктивной посадки на территории. Средства можно было получить, внедрив оплату проезда автогрузовиков. Для этого нужно было принять какое-то административное решение, чтобы узаконить сбор денег за транспортировку грузов. Начальник экспедиции обсудил этот вопрос с «отцами города», потом с улыбкой рассказал мне: «Начальству понравилось предложение о сборе «подати», а вот идея с деревьями – не нашла энтузиастов». Короче, эта хозтема так и не была реализована, как не были продлены работы, которые ОГУ более 10 лет проводил в Ангрене. Я остался безработным.

Но нет худа без добра. В. П. Пунько, который сотрудничал с лабораторией аксессуарных минералов геолого-географического факультета, предложил перейти на работу в Одесскую областную администрацию, точнее – в отдел ресурсов моря, внутренних водоёмов и экологического контроля. Это было, в то время когда работу обл администрации возглавлял Ильин, а президентом Украины был Л. Кравчук. Начальником управления морехозяйственным комплексом, транспортом и связью был Ю. Б. Крук, ныне депутат Верховной Рады. Теперь он совмещает работу депутатом с продвижением своего сына в политику. В прежние времена от отца к сыну передавалось ремесло, навыки, допустим, установление места для будущего колодца или искусство создавать печи, строить дома и прочее. Интересно, какие навыки передают своим детям родители, которые, кроме политики, ничем иным заниматься не умеют? Последнее время появилась такая тенденция – «династически» заниматься политикой.

Работа по оформлению бумаг, контроль над их прохождением и сроками выполнения была для меня новой, и с сегодняшней точки зрения не заслуживающей внимания. Среди важных событий того времени, на мой взгляд, заслуживают упоминания те, к которым я либо имел отношение, либо которые происходили на моих глазах.

Сотрудников в те годы можно было условно поделить на несколько категорий. Костяк составляли, как мне показалось, «аппаратчики» – бывшие сотрудники райкомов, исполкомов разного уровня, со своими связями и «телефонным» правом. Среди них была и «молодая поросль». Очень бросалось в глаза, когда они решали свои личные вопросы под «древом» административных обязанностей. От «визитёров» были попытки заручиться поддержкой в вопросе, каким либо образом заполучить бронзовые винты со списываемых судов, якобы под постройку будущего судна (обычно под судно изготавливают винт). В это время по 200 долларов за тонну продавали в Сингапур под видом металлолома суда Черноморского пароходства.

Были и новые для меня сведения о состоянии дел на море: близ берегов Турции затонуло судно с овцами на борту. Турецкие власти опасались последствий экологического плана, поэтому задались целью поднять судно со дна. Поэтому обратились к водолазной службе бывшего Союза. Однако служба, как таковая, прекратила существование, а водолазы разъехались по ставшим

отдельными государствам. А опыт подобных работ в условиях сильных придонных течений был только у наших специалистов. Следующая проблема возникла с лоцманской службой: флот распался на танкерный (Россия, Новороссийск) и сухогрузный (Украина). Кто должен был заниматься лоцманской службой, никто не знал. А потом прекратил существование флот как таковой.

Когда ушел в отпуск мой начальник Женя Куприянов, он передал мне документы к исполнению. Один из них лежал в его письменном столе под выдвижным ящиком. Женя предупредил: «В крайнем случае...». Такой случай наступил, когда общий наш начальник потребовал найти документ «строгой отчетности». Подробное содержание никто не знал, поэтому я мельком просмотрел текст документа и передал его шефу. А там писалось о том, что (если мне не изменяет память) якобы кто-то из обладминистрации обратился в адрес президента с предложением рассмотреть вопрос о целесообразности разделения Черноморского пароходства на ряд кампаний. В письме из Киева требовалось разработать предложения по этому вопросу. (Начальником пароходства тогда был Кудюкин). Когда вышел из отпуска Куприянов, я ему доложил состояние дел, в том числе и подробности о письме из президентской службы. Логика (наша) подсказывала, что такое письмо должно было исходить из морехозяйственного комплекса, но кто его автор, и был ли он, не могли себе даже представить. Дальнейшую судьбу этого документа не знаю – не входило в служебные обязанности.

Были крайне любопытные личности, которые приходили с такими своими предложениями, что, мне казалось, нужно было тут же принимать какие-то действенные меры. Однако, моё дело было выслушать клиента, посмотреть документы и доложить непосредственному начальнику – он принимал решения.

Одним из таких творческих граждан был Майсоценко из бывшего строительного института Одессы, который показал фотографии с характером распределения основных струй газа в дымоходах существующих конструкций Кучурганской ГРЭС. По словам изобретателя, изменив конструкцию «дымохода» на ГРЭС можно было получить эффект, равный сооружению ещё одного энергоблока. У него же были предложения по налаживанию производства в Одессе кондиционеров, как я понял, нового поколения, которые можно было бы применять в комбайнах, тракторах, автомобилях, башенных кранах и т.п. Увы!

Другой интересной личностью был некто Гвоздиков из Ильичёвска, очень обеспокоенный сложившейся ситуацией с водолазной службой в Украине. Флот в те годы существовал в виде буксиров и некоторых вспомогательных судов. Гвоздиков рассказывал, что вынужден был настаивать на том, чтобы водолазов зачисляли в состав команды буксиров, дабы обеспечить хоть какие-то возможности и средствами существования семей водолазов. По его данным, некоторые всё же покинули пределы Одессы на малых каботажных судах и сумели добраться до территориальных вод Сирии, где работали с геологами на бурении скважин в акватории.

Не менее интересна информация о том, что у этого Гражданина была карта, составленная им с обозначением мест гибели судов разных времён с указанием названия судна, фамилии капитана, указанием на характер груза судна и на каком борту лежит оно на дне. Помнится, что этого человека оформили в качестве консультанта то ли в Водном институте, то ли в Высшей мореходке. Тогда же в качестве рабочей модели будущих работ он предлагал заняться подъёмом затонувших судов на Днепре и Днепро-Бугском лимане. О дальнейшей судьбе, как автора предложений, так и самих предложений ничего не знаю.

В те годы встал вопрос, в очередной раз, об альтернативных источниках водоснабжения Одессы (это те бюветы, которые сейчас функционируют), водоочистных установках, и были разработчики проектов, иногда неожиданных. Для решения вопроса обеспечения качественной водой Ильичёвска, нашёлся мужичок, который предложил из Перми доставить такую установку, изготовленную для какой-то модели подводной лодки. Вопрос состоял в том, как это выполнить законным образом. Есть установка, есть потребитель. Какие механизмы нужно «включить», что-

бы не украли где-нибудь по дороге? Есть ли документ, позволяющий реализовывать разработки «оборонки» в народное хозяйство? Кто это знал?

Были предложения другого плана. Однажды пришёл на приём к шефу некто Винницкий (утверждал, что он – родственник Мишки Япончика). Показал свою разработку и чертежи к ней. Устройство имело ряд достоинств и было ориентировано на переработку овощей и фруктов, измельчая и доводя готовый продукт до гомогенного состояния (на уровне молекул). Потребителями могли быть и дети, и старики, больницы, санатории, дома отдыха, школы, детские сады. Производительность высокая: что-то порядка 500 или 700 кг в час. Необходима была помощь в патентовании и определении завода изготовителя (предполагался завод «Холодмаш»). Но администрация не имела таких полномочий! Тогда Винницкий предложил: деньги для оформления патента найдут его коллеги в Израиле, а от областной администрации необходимо получить разрешение на льготы этой фирме (в Израиле) – документ, разрешающий вывозить сырьё из Украины для производства кондитерских изделий (реализовывать планировалось в Украине). За внешней простотой и привлекательностью предложения могла крыться лазейка для вывоза какого-то продукта под видом сырья, который составлял либо национальное достояние народа Украины, либо вывоз за пределы страны мог навредить национальной безопасности, тем более что в Киеве не решили этот вопрос и направили Винницкого в Одесскую администрацию.

Вспоминая о событиях тех лет, следует, хотя бы кратко коснуться описания того, что волновало одесситов, о чём писали местные газеты. (Кстати, начальник управления озадачил давать ему периодически подборку информации с оценкой «за» и «против».) Касалось это сооружения нефтетерминала в «Южном», предпочтение которому отдали в сравнении с предложением проекта, известного ныне как «Одесса – Броды», район Донузлава и острова Змеиный. Не помню, на какую нефть (по качеству и происхождению) он был ориентирован – танкерный флот бывшего СССР ведь отошёл России, своих судов этого класса в Украине не было. Другая сторона вопроса – очень редко сообщали о том как Турция будет относиться к караванам танкеров, которые будут везти нефть к Одессе? Помнится, что рассматривали вариант «труба в трубе», чтобы нефть во внутренней трубе делать более текучей в холодный период года, представлялось, что по наружной трубе должны были закачивать горячую воду. Для этих целей планировалось строить опреснительную установку, работающую на морской воде, а использованную после цикла обогрева нефти тёплую воду должны были выпускать в особые резервуары, в которых планировалось разводить рыбу, по-моему, сига. Это было как компенсационное мероприятие, призванное каким-то образом минимизировать вред среде обитания черноморского осётра, который какую-то часть своего жизненного цикла проводил в водах близ нынешнего «Южного». Второй акваторией, выбранной для восстановления стада осётра, мог стать северо-восточный «угол» Днестровского лимана. Рассматривали также в качестве перспективной акватории для черноморского осётра приустьевую часть Дуная (проект собирались реализовывать совместно с румынской стороной). Однако, румыны в те годы были такие же нищие, как и украинцы: проект остался проектом.

Из всего «стоящего», к чему я имел отношение в своей работе, я бы отнёс организацию встречи геологов Причерноморской геолого-разведочной экспедиции с администрацией города Южный.

Геологи, изучая аэрофотоснимки региона, обратили внимание на тот факт, что ёмкости с аммиаком в порту Южный расположены в зоне древнего разлома: три ёмкости – на одном борту, четвёртая – на другом. Как на это обстоятельство не обратили внимание на стадии составления проекта, – другой вопрос. Нарушения при вертикальных подвижках глубинных слоёв могли привести к неожиданным повреждениям конструкции, разгерметизации и самопроизвольному вытеканию аммиака.

При ветрах северного заложения пары аммиака, по одному сценарию областного штаба гражданской обороны, могли достигнуть территории посёлка Котовского (вопрос эвакуации населения), по другому сценарию, – «накрыть» территорию г. Одессы до посёлка Таирова. Геологи

планировали с руководством порта рассмотреть варианты перекачки аммиака в цистерны на железной дороге (сооружение насыпи и прокладка колеи железной дороги), рассмотрение возможных направлений движения аммиака по территории порта к акватории лимана и прочее. Моя задача, как я понимал, свести вместе специалистов для решения этих вопросов безопасности населения. Дело в том, что, согласно данным справочника о вредных (опасных) веществах и экологическим нормам, предъявляемым к объектам повышенной экологической опасности, предприятия, связанные с изготовлением и переработкой аммиака, если мне не изменяет память, по классу опасности приравниваются атомным электростанциям. А электростанции такого типа должны быть «отгорожены» от остальной территории 30-километровой зоной лесов. Где между пгт. Южный и г. Одесса вы видели леса?...

С сентября 1993 г. до перевыборов президента, когда вместо Кравчука стал Кучма, работал помощником заместителя главы областной администрации (А. Г. Топчиева). Однажды дама из орготдела сообщила, что мне предстоит пройти одну важную процедуру: принять Присягу на верность народу Украины. Интересно, а в университете может иметь место такое мероприятие? Может было бы целесообразно в этот документ включить слова о том, что преподаватель университета обязуется давать актуальные знания, (но не информацию), необходимые в будущей жизни, в том числе – духовные, которые соответствовали бы понятию «высшее образование» и были бы лишены «оттенка» современности, когда вместо знаний отметку в зачётной книжке можно получить за «денежный эквивалент».

Снова в университете

В том же 1994 г., во время визита ректора ОГУ И. П. Зелинского к А. Г. Топчиеву получил приглашение вернуться в университет: «Некому читать палеонтологию!», – было заключение И. П. Зелинского.

Я воспользовался этим предложением и написал соответствующее заявление ректору Одесского университета И. П. Зелинскому.

Казалось бы, очевидный факт: я изъявил желание вернуться в университет, в котором учился, работал, защитил диссертацию. Однако заведующий кафедрой общей и морской геологии Е. П. Ларченков, когда я пришёл к нему с заявлением, сказал примерно следующее: «Я такой же профессор, как Зелинский. Чего это он распоряжается?». Вопрос моего трудоустройства завис в воздухе. При очередной встрече с Е. П. Ларченковым, он мне сказал, что может мне предложить читать курс «Геотектоники» (зная, что я не являюсь специалистом в этой отрасли геологии). Однако, у меня не было выбора. Обратился за помощью к геофизику Причерноморской экспедиции В. Перевалову. Он предложил мне готовиться к изложению теоретической части предмета, а практическую, – работу с приборами, – обещал проводить в свободное от работы время со студентами сам.

С Переваловым я близко познакомился, когда в 1991 г. мы вместе работали в экспедиции в Могилёв-Подольском районе Винницкой области. Целью было сделать инструментальную подворную съёмку населённых пунктов района с определением уровня радиоактивного загрязнения в результате Чернобыльской аварии 1986 г. Работу выполняли геологи ОГУ и Причерноморской геолого-разведочной экспедиции с участием студентов старших курсов ГГФ.

У Евгения Павловича, как выпускника МГУ, по жизни есть один принцип, который он мне пару раз озвучил: «Я – начальник, ты – дурак. Ты начальник, я – дурак». Показав мне, кто начальник, Е. П. Ларченков подписал моё заявление. Мне определили учебные предметы: «Общая геология», «Палеонтология», «Историческая геология», «Методы микропалеонтологических исследований», «Экология океанов и морей». Позже появились «Основы биогеоценологии». С 2000 г. вёл занятия с историками (специализация – археология) спецкурсы по «геологии антропогена» и «археозооло-

гии», а у географов – спецкурс «биосфера и человек». Идея проводить занятия с археологами по основам геологии родилась у декана исторического факультета В. Н. Станко после его командировки в Ленинград. Там историкам читали подобные дисциплины, но учебные планы, как образец не дали. В. Н. Станко предложил разработать мне самому тематику лекций и практических работ. Примерное представление о проблемах археологов я имел, поскольку многие годы сотрудничал с историками А. Д. Бачинским и И. Т. Черняковым. С учёным из Киева Валентиной Ивановной Бибиковой, известной среди археологов старшего поколения, меня познакомил В. Н. Станко, а при очередной нашей встрече она предложила переехать в Киев, работать в Институте зоологии АН УССР, в должности заведующего отделом палеозоологии. «Квартиру – не обещаю!».

Ехать в Киев, чтобы возглавить отдел, в котором – всё новое, мне не хотелось. Позже узнал, что директор института В. А. Топачевский решил закрыть этот отдел. Внутренний голос меня не подвёл!

По мере возникновения проблемных вопросов в палеонтологическом музее, пытался, по мере возможности решать и это. Главный вопрос тех времён был ремонт в залах музея, так как в нескольких местах потолок в залах стал обрушаться.

Занимаясь документами по определению статуса музея, выяснил, что даже котельная и ботанический сад университета имеют категории, а палеонтологический музей нет. Однако, для того, чтобы заниматься этими вопросами, следовало мне самому иметь статус научного руководителя музея, как это было в своё время, когда зав. кафедрой был проф. И. Я. Яцко.

Но я упустил из виду, что в университете с тех времён, когда он был Новороссийским университетом, существуют свои традиции. В частности, как только появился приказ о назначении меня научным руководителем палеонтологического музея, появилась В. В. Янко. Она доказала ректору, что имеет большее право руководить музеем, и... стала «руководить» из-за рубежа (то ли из Израиля, то ли из Канады, точно не знаю). Результатом такой деятельности стал приезд в музей группы студентов из Голландии, которым разрешили делать с коллекциями всё. Мы были воспитаны на трепетном отношении к монографическим коллекциям по той причине, что эти формы органической жизни описаны в научной литературе, являются эталонными. По канонам палеонтологических исследований, каждая новая находка близко родственных форм подлежит сравнению с эталонами. Другой особенностью этих материалов является такая: часто это материалы серийные, т.е., кроме взрослых форм есть кости молодых особей. Они представляли интерес с точки зрения возрастного развития вида, изучения отклонений от средне статистической формы животного. Это представляло интерес для выяснения адаптационных особенностей особей. Собственно, всё это в прошлом при нынешнем состоянии палеонтологии как науки. Так вот, голландским студентам позволили вынимать черепа, рога, анатомические группы костей, находящиеся в экспозиционных витринах. При этом, я был свидетелем, когда был отломан фрагмент черепа из монографической коллекции А. К. Алексева. И что делать, если разрешение дала В. В. Янко, которая никогда не работала с позвоночными.

В феврале 1999 г. газета «Московский комсомолец» (МК) поместила статью «Затерянный мир в Одессе». В разделе «Последний палеонтолог» упоминалась моя фамилия, что не добавило чувства любви Е. П. Ларченкова ко мне.

Вообще, если говорить о прожитых годах, вспоминается фраза В. Н. Кадурина, который однажды мне сказал:

– А что хорошего вообще вам сделал университет?

Сегодня, пытаясь ответить на этот вопрос, почему-то вспомнилось, что, будучи в должности заведующего палеонтологическим музеем ОГУ более 10 лет, практически каждый год отправлялся администрацией ОГУ руководителем студенческих групп на сельхозработы. Думаю, что это было вместо поездки со студентами кого-то из преподавателей. А это правильно? Правда, кому адресован этот вопрос?

Меня лично волновал вопрос постановки на квартирную очередь. Поскольку мечтать о получении государственной квартиры было наивно, надеялись попасть в список на кооперативную квартиру. Моя семья состояла из трёх человек, жили на квартире отца, где в трёх комнатах нас было 7 человек. Как будто убедительно, включили в список «на кооператив». Но умерла мама, и чиновники пришли к выводу, что моя семья лишилась права на отдельную квартиру (кандидатскую диссертацию, которая давала «дополнительные» права, я защитил только через 2 года). Ходил с просьбой о помощи в партком, к Л. Х. Калустяну, просил позвонить в райком партии, походатайствовать за меня. Он при мне брал трубку телефона, набирал четыре цифры вместо пяти и констатировал:

– Видишь, Б. А. Стречень не берёт трубку.

Когда ситуация стала «непроходимой» после трудового участия в работах по рытью котлована, внесения денежного взноса – 3170 руб., попросил помощи у супруги заведующего промышленным отделом обкома партии А. С. Бердникова (Вечная ему память!). Он сообщил, что кому-то потребовалась, квартира в нашем доме и передал слова Леона Хачиковича:

– Есть две кандидатуры: Манакин и Муха. Любого из них можно исключить... Манакин оказался хитрее – достал справку о том, что сын его находится на учёте в туберкулёзном диспансере, т.е. по закону его трогать было нельзя. Меня трогать было можно! Если бы не вмешательство Анатолия Семёновича, трудно представить, как бы развивались события.

Сложности были и с моей диссертацией, о чём рассказано ранее. Но это – не всё... И. П. Зелинский в деканате своеобразно шутил:

– Вот, выдающийся советский палеонтолог – Муха Борис Борисович, – с другой стороны, с глазу на глаз, говорил:

– Ты никогда не защитишься! У тебя нет базового образования!

Ему вторил И. Н. Гоголев:

– Сколько можно «обсасывать эти кости»? (Именно по этой причине моя защита состоялась на докторском совете в Институте геологических наук АН УССР).

Самый большой «удар» получил от заведующего кафедрой общей и морской геологии, когда подошло время мне оформлять документы на пенсию. Дело, вроде, обыденное, но сложность положения заключалась в том, что в то время я был оформлен, как и другие коллеги, на 0,8 ставки. У нас на кафедре в то время были два пенсионера – проф. И. Н. Сулимов и доц. Ю. Н. Баландин. Финансирование сократилось, руководство предложило: или «избавиться» от пенсионеров, или всей кафедрой перейти на неполную ставку. В другое время, полагаю, это было бы не с такими последствиями: объём пенсии мне, конкретно, определяли с суммы последних денежных начислений.

Сотрудник В. П. Резник, у которого была хозтема, предложил Е. П. Ларченкову на время оформить меня на эту хозтему, чтобы, по документам, было основание назначить мне приличную пенсию. Евгений Павлович не отреагировал на это предложение. При этом, как я понимаю, он от этой операции, ничего бы не потерял.

Несколько раз был на приёме у ректора В. А. Смынтыны по делам музея (по привычке, с тех времен, когда был заведующим музеем). Один из вопросов, который я поднимал, после раскопок скелета динотерия (1980 г.) в с. Егоровка Раздельнянского р-на – монтирование скелета. Хорошая сохранность основных костей динотерия позволяла, при согласии администрации, после реставрации и изготовления отсутствующих (правых) костей конечностей смонтировать скелет этого хоботного. В этом случае в ОГУ были бы представлены все главные представители древних хоботных: динотерий, мастодонт, слон и мамонт. С другой стороны, скелеты этих древних хоботных представлены лишь в столичных музеях Киева, Кишинёва, Бухареста, Вены. В редакторском портфеле «Известий Музейного Фонда им. А. А. Браунера» имеется статья об отношении к конкретному динотерию одного зажиточного японца, пожелавшего у себя в поместье иметь смонтированный скелет этого древнего хоботного. Согласия ректора не последовало.

По традиции, если приезжали государственные лица в университет, экскурсии с ними проводил я, как специалист с большим опытом работы в музее и имеющий представление о главных эталонных коллекциях позвоночных юга Северного Причерноморья. Однажды, в присутствии В. А. Смынтыны, подводя итог экскурсии, сказал примерно следующее: «Настоящее богатство палеонтологического музея, как и много того, чем ныне гордится университет, – заслуга предшественников, наших учителей!». Думаю, Валентин Андреевич запомнил это моё изречение, и напомнил мне о том, кто есть кто?

В 2002 г. в Одессу из США приехал Майкл Кремо, учёный с мировым именем, который не согласен с учением Ч. Дарвина. В книге «Запрещённая археология», написанной в соавторстве с Ричардом Томпсоном, авторы доказали исходные фальсификации при создании схемы эволюции от обезьяны к человеку, и также привели массу археологических артефактов, подрывающих её. Газеты писали, что книга учёных вызвала сильный резонанс, а ортодоксы антропологии и палеонтологии приняли её в штыки.

М. Кремо выступил с лекцией во дворце Леси Украинки, а затем должен был встретиться со студентами исторического факультета. Об этом мне по телефону сообщила Е. В. Смынтына, которая была заведующей кафедрой. Студентам, специализирующимся на этой кафедре, я читал лекции, т.е. обязан был присутствовать на встрече с последующей экскурсией гостя в палеонтологический музей. Подробностей не знаю, но во время выступления Кремо перед студентами появились корреспонденты местного телевидения. Возникла какая-то заминка между ними и Е. В. Смынтыной. Позже я узнал, что они пошли за разрешением к ректору.

В палеонтологическом музее, кроме Майкла Кремо и его секретаря, остальные были сотрудники университета. Исключение составляла А. И. Гудкова, научный сотрудник отдела археологии Института археологии (к счастью). Почему, к счастью, потому, что мне трижды пришлось писать объяснительную записку ректору, проректору по науке, и заведующему иностранным отделом ОГУ (другими словами, снова В. А. Смынтыне). В записке я объяснил, каким образом встретился с М. Кремо, что никакой моей самодеятельности не было, что никакие тайны не открывал и у меня есть нейтральный свидетель. Благо, что не пришлось приглашать А. И. Гудкову в качестве свидетеля. (Почему Смынтына Елена Валентиновна не сказала отцу – Смынтыне Валентину Андреевичу о визите на истфак учёного Майкла Кремо, – для меня до сих пор загадка).

Ещё раз встречался с В. А. Смынтыной по его инициативе: он предложил заняться созданием Музея истории, который соответствовал бы современному уровню. Музей планировалось расположить в Главном корпусе ОНУ на первом этаже.

Через какое-то время пришёл на приём с предложениями. Считал целесообразным экспозицию разделить на три блока: XIX, XX, XXI века. В первом зале было бы оправдано расположить восковую фигуру И. И. Мечникова в окружении приборов, мебели, короче – интерьера того времени. В последнем зале должны были бы найти место разработки учёных университета всех факультетов, чтобы абитуриент или студент 1 курса мог ознакомиться и выбрать направление своей будущей деятельности. Ректор без энтузиазма выслушал меня. Начал мотивировать свои соображения. Потом спросил: «На кого же должен быть ориентирован этот музей?». Ответил сам: «На ПРЕЗИДЕНТА!!!»... Больше мы не встречались.

Закончился 2003/04 учебный год, вместе с ним и срок контракта. И здесь, пожалуй, впервые, Фортуна мне показала свою улыбку – проф. Ю. Д. Шуйский предложил мне перейти на кафедру физической географии и природопользования (на полную ставку доцента). Учебная нагрузка была составлена таким образом, что пригодился мой опыт полевой геологии. Несколько неожиданной была территория учебной практики – Балтский район. В этом районе я бывал неоднократно по долгу службы в палеонтологическом музее, собирая кости фоссилий, и проводил раскопки останков крупных млекопитающих. Каким образом можно было использовать мои знания для целей учебной практики до поездки в с. Кринички на стационар, не представлял. В первый год

постарался максимально ознакомиться с территорией. Пытался обнаружить обнажения пород, где можно было бы отобрать пробы песков для последующей сепарации с использованием лотка – приспособления, с которым обычно работают геологи при поисках рудных минералов.

Увы, ближайшее место с возможными выходами на дневную поверхность (в обнажениях по бортам оврагов) было примерно в 20 км. Не реально за один маршрутный день со студентами пройти туда и обратно это расстояние. Кроме того, необходимо было зарезервировать время для работы на самом обнажении. Короче, со временем отработали маршруты для наблюдения за уровнем воды в колодцах, попытались определить: сколько таких уровней, площадь питания. Студенты в маршрутах пытаются определить палеогеографию региона, последовательность геологических событий, которые формировали территорию. Всё это кроме получения навыков работы в маршруте с картой, компасом, описанием последовательности залегания пород и выяснение механизма образования толщ.

Пригодилась моя методичка «Атлас современных морских моллюсков Чёрного моря», которая, вообще-то готовилась для занятий во время опробования морских донных отложений студентами-геологами. Студенты первого курса географического отделения каждый год собирают раковины моллюсков на разных пляжах Одессы от Крыжановки до устья Сухого лимана. Первоначальная задача заключалась в том, чтобы собрать документальные свидетельства расселения моллюсков, которые недавно появились в акватории Одесского залива. После мероприятий городских властей по намывке пляжей на отдельных участках побережья в городской черте, появилась возможность сопоставления относительной численности моллюсков, которые, кстати, способствуют биологической очистке воды в заливе, до намывки и после. Возможно, на первом курсе студенты ещё не понимают значения термина «антропогенного влияния» в пределах наблюдаемой части моря, но на 4 курсе при изучении дисциплины «палеогеография» будет возможность на своих полевых материалах вернуться к расшифровке этого термина.

Во время выполнения самостоятельных маршрутов на территории стационара Кринички студенты встречаются с отпечатками следов многих современных аборигенных видов. В связи с этим возникла целесообразность подготовить к печати методичку «По следам зверей и птиц». Пуантальной техникой подготовил рисунки следов (по литературным данным), а опубликовать помогли бывшие студенты-геологи Федосеев Руслан и Однокол Александр, за что им огромная благодарность.

Вообще, по возможности, в рамках учебной программы стремлюсь дать студентам на лекциях и практических занятиях знания и навыки, которые будут им полезны в последующей практической жизни. Студенты старших курсов получают задание по освоению информации с геолого-экологических карт региона с целью определения глубины залегания основных водоносных горизонтов на случай исчезновения воды из верхних горизонтов; установления степени техногенной нагрузки в разных частях изучаемой территории; обоснования выбора участка поверхности для возможного выращивания лекарственных растений; выбора участка для сооружения баз отдыха и проч. Дипломники пишут работу (по этим картам) для обоснования альтернативного участка железной дороги Одесса – Рени; второе задание – обосновать условия для обледенения и последующего зарыбления акватории лиманов либо её части, специализации, качества, вида товарной рыбной продукции. В какой степени это удаётся, покажет будущее.

Итоги

Что мне удалось сделать в жизни, что можно было бы записать в актив?

Принимал участие в монтировании скелета мастодонта, обнаруженного в 1965 г. в Ананьевском районе Одесской области. Провёл описание костей скелета, сравнил с диагностическими останками других форм неоген-четвертичных хоботных, обитавших на территории Северного Причерноморья, которое изложено в кандидатской диссертации.

Представлял палеонтологический музей и Подземный палеонтологический заповедник в карстовых пещерах Одессы на Выставке Достижений Народного Хозяйства (ВДНХ в Москве) во время Дней Науки Одесского университета на ВДНХ, павильон «Народное образование».

В качестве члена оргкомитета принимал участие в подготовке и проведении Международных геологических совещаний по линии INQUA (Комиссии по изучению четвертичного периода): «Тираспольский коллоквиум» и геологического съезда по проблеме стратиграфической границы неогена и четвертичного периода; соавтор путеводителя (описание маршрута в карстовые пещеры Одессы). Совместно с коллегами Отдела палеонтологии и биостратиграфии Молдавской Академии Наук принял участие в разработке маршрутов к международному совещанию по микропалеонтологии.

Организовал проведение раскопок останков скелета мамонта из древнечетвертичных отложений на территории карьера кирпичного завода «Межколхозстрой» на окраине г. Балта и скелета динотерия из древнеаллювиальных отложений окрестностей с. Егоровка Раздельнянского района Одесской области. Находками моллюсков в одновозрастных отложениях (определения А. Л. Чепалыги) обосновал меотический возраст толщи, в которой был раскопан скелет динотерия. Кости скелета мамонта и динотерия доставлены в палеонтологический музей университета.

О некоторых подробностях раскопок мною были написаны статьи, опубликованные в университетской газете «За наукові кадри».

К какой-то годовщине ОГУ по предложению ректора В. В. Сердюка занялся реставрацией глобуса, расположенного у входа на 2-й этаж Главного корпуса. Необходимо было отреставрировать два из трёх тритонов и поверхность глобуса, на которой образовались трещины. С помощью студентов мехмата сняли глобус, подведя под нижнюю часть одеяло, перенесли через черный ход музея в мастерскую музея, где и были выполнены необходимые работы. В процессе подготовки выяснилось, что глобус был установлен после открытия университета, т.к. в нижней части глобуса сохранились фрагменты газет и журналов, которые использовали как материал папье-маше с датами 1880-х годов.

В архивах музея обнаружил и передал в музей истории университета отчётные документы по обследованию здания нынешнего Главного корпуса (Дворянская, 2), выполненные в связи с просадкой здания группой геологов под руководством проф. И. Ф. Синцова (по памяти, примерно 1869 года). Тогда были разработаны и установлены скрепляющие стены здания штанги между несущими стенами здания. Существовали стяжки примерно до середины 1970-х годов. Среди рекомендаций в этом проекте были предложения ликвидировать подвальные помещения в правом крыле здания. Документы больше не видел, а в подвале установили вычислительную машину «Мир», которая работала на лампах. Для охлаждения ламп применяли вентиляторы, включение которых приводило к тому, что лампы люминесцентного освещения на потолке залов палеонтологического музея начинали дрожать. Это было в то время, когда проректором по хозяйству был Марк Михайлович Король, которого я пригласил в музей показать разрушительную силу вибраций от работы вентиляторов. Однако, это было время поголовного увлечения вычислительными машинами, ничего кардинального не было придумано.

В этих же архивных бумагах нашёл два номера университетской газеты 1920-х гг. – тогда она называлась «За більшовицькі кадри». Передал в музей истории, откуда эти газеты также благополучно пропали.

В 2004 г. был премирован Спілкою геологів України геологическим молотком в сувенирном исполнении.

Уже в начале 2000-х годов Коля Орлов, который совмещал учёбу на геологическом отделении ГГФ с работой в музее, в шкафах с фондовыми материалами нашёл коллекцию образцов, о которой рассказывал мне И. Я. Яцко. Это были пробы пород морского дна первой океанографической экспедиции судна «Гломар Челленджер», подаренные проф. В. Д. Ласкарёву, который

в 1918 г. эмигрировал из Одессы и в дальнейшем работал в Югославии. И. Я. Яцко полагал, что эта коллекция была вывезена оккупантами в годы войны. О находке написал заметку в университетскую газету.

После смерти в 1969 г. Павла Григорьевича Иванова – художника и скульптора музея, на этой должности в разное время работали Борис Володарский, Владимир Диденко, Вера Бастрикова, но долго не задерживались: оклад – 78 рублей, на рабочем месте следовало находиться с 9 до 17 часов. Поэтому вскоре на должности художника стали работать студенты геологического отделения ГГФ по 0,5 ставки, что было приличной добавкой к стипендии. Это были Круглий Володя, Останин Алёша, Забродин Володя. Приходили они на работу после занятий, естественно, с осени до начала лета, поскольку в летнее время обязаны были проходить геологическую практику в производственных организациях на территории всего Союза.

Следует заметить, что к работе в музее относились как к возможной будущей профессии только единицы. После раскопок 1980 г. долгое время «возился» с костями скелета динотерия Федосеев Руслан. Симонов Сергей проявил навыки работы с научной литературой по описанию костных останков ископаемых, стал ориентироваться в отличиях костей разных видов млекопитающих. Я предложил ему заняться профессионально изучением четвертичных животных, написал письмо в Киев В. И. Бибиковой по поводу своего видения будущего Сергея (с поступлением в аспирантуру в Зоологический институт АН УССР, к Бибиковой). Однако, однажды состоялась беседа с И. П. Зелинским (он стал сотрудником университета после работы в Алжире, сперва секретарём парторганизации факультета, затем зав. лабораторией, деканом ГГФ, проректором по науке, ректором ОГУ). Игорь Петрович сказал: «Симонова мы тебе не отдадим. Это – сложившийся инженер-геолог!»

Возможно, тогда было принято решение, в результате которого в музее, на сегодняшний день, нет специалиста по позвоночным животным и нет ни одного сотрудника, которой мог бы грамотно провести раскопки. Орлов Коля, студент геологического отделения ГГФ, который пришёл в музей после окончания художественного училища в Одессе, и Синица Максим могли бы продолжить лучшие традиции новороссийской школы изучения неогеновых отложений юга Украины. Синица М. после завершения подготовки в Малой Академии, поступил на биофак, а после получения диплома, выдержал экзамены в аспирантуру в Зоологический институт АН Украины. Больше того, Орлов Николай после получения диплома распределился в палеонтологический музей, но там ему создали такие условия, что он уехал на родину в Мелитополь.

Среди девушек, студенток геофака, несколько человек освоили «премудрости переплётного искусства» в Научной библиотеке ОГУ и восстановили целостность некоторых ценных, на мой взгляд, книг научного содержания из библиотеки палеонтологического музея. В основном это Записки Новороссийского Общества Естествоиспытателей. К сожалению, мы ныне живём в такое время, когда студенты обходятся минимумом знаний, (если это знания вообще) и до изучения первоописаний дело не доходит. Хочется верить, что так будет не всегда.

Особо следует остановиться ещё на одной стороне деятельности в период работы в музее – это приём гостей и организация их свободного времени, т.е. времени вне помещений музея.

Мне до сих пор помнится мой первый приезд в Киев, в Зоологический институт АН УССР. В то время директором был академик Иван Григорьевич Пидопличко. Узнав, что я плохо знаю достопримечательности столицы, И. Г. Пидопличко поручил сотруднице музея палеозоологии Е. Л. Короткевич (позже Елена Леонидовна была оппонентом моей диссертации по биологической части) показать мне историческую часть Киева. Думаю, эта информация о гостеприимстве учёных-киевлян осталась во мне на уровне подсознания. По этой причине, зная, что предстоят встречи с учёными, которые будут работать с коллекциями музея, уделил внимание изучению истории Одессы, точнее – мало известных страниц прошлого города, что в последующем себя оправдало.

Возможно, каждый из нас «абсолютирует» своё восприятие прошлого, т.к. в молодости всё было лучше, во всяком случае, в собственной оценке. Однако, в Одессе 1960–80-х годов был свой «шарм».

Помнится, что участников совещаний международного уровня делили на «демократов» и «капиталистов» (т.е. из стран народной демократии и капиталистических государств). «Капиталистов» селили исключительно в гостиницах «Лондонская» и «Красная». Это было без вариантов! «Демократов» поселяли в «Большой Московской» и гостинице «Пассаж», в центре города и в «нескольких шагах» от здания университета, т.е. и от музея тоже. Если приезжали один или несколько человек, проблем с поселением в те годы, как правило, не возникало. Но были случаи, когда геологов из Отдела палеонтологии и биостратиграфии Молдавской Академии Наук, по согласованию с руководством университета, оставляли на ночлег в помещении «профессорской», в музее: раскладушки и спальные мешки были в составе инвентаря. Вода, электричество, туалет были в самом музее. Никаких эксцессов по этому поводу не зафиксировано.

Вкусно и недорого пообедать можно было в столовой Дома ученых, столовой Главпочтамта; вкусно готовили в «Пельменной» на Тираспольской площади. Если гости были мужского пола, водили на обед в «Южную кухню», на цыплят-табака, которые всегда здесь готовили исключительно вкусно. (Зав. Отделом палеонтологии и биостратиграфии К. Н. Негодаев-Никонов из Кишинёва, говорил, что в столице Молдавии можно пригласить на «музыкальный ансамбль» в ресторане, поскольку кухня везде одинакова). Правда, в Одессе тоже были свои «фишки» – в ресторане «Якорь», на противоположной стороне здания кинотеатра «Уточкина», в составе оркестра было семь музыкантов; так как каждому нужно было дать выходной день раз в неделю, то вместе они встречались только в день полочки.

Когда в университет приезжали добрые приятели из подразделений, других городов, перед обедом уходили на Александровский проспект (тогда проспект Мира), на конечную остановку 110 маршрута автобуса Одесса-Ильичёвск, и через 40 минут были в с. Черноморка (Люстдорфе). Здесь была «кормушка», единственная в Одессе, где всегда можно было поесть вареники с мясом ручной работы. Рядом с конечной остановкой трамвая маршрута № 29 было питейное заведение «дяди Гриши», как мы его называли. У дяди Гриши всегда была превосходная «сухая Лидия» – ароматное вино таировского производства. Дядя Гриша для киевлян был «мсье Лезак». Киевляне рассказывали, что, кроме превосходного вина, «мсье Лезак» с каждым входящим здоровался, каждому находил приятные слова. Даже если гость попадал в заведение в первый раз, дядя Гриша отмечал: «Что-то Вас давно не было?!»... Кто после этого устоит?

Когда дядю Гришу спрашивали: «На чём вы имеете доход?» – ответ был откровенный и запоминающийся: «Я немножко не доливаю!»... Никто из гостей города, во всяком случае, мне, слова плохого в адрес хозяина заведения, не сказал. Запомнилась фраза одного киевлянина: «Мы что-то не определились с выбором» было сухое вино – лидия и купаж. Пока рассуждали между собой, услышали голос «мсье Лезака»:

– Что вы рассуждаете? Вы видели на улице столб? Вот когда приедете сюда летом, будете стоять в очереди возле того столба!

После смерти дяди Гриши торговать стала его жена – тётя Роза, но шарма уже того не было, как было прежде. Вскоре заведение исчезло.

На улице Садовой, рядом с Главным корпусом ОГУ было питейное заведение «Аист» с винами молдавского производства, которое с удовольствием посещали гости из Москвы, Ленинграда, Киева. Особенностью заведения было (кроме приличных вин) то обстоятельство, что если в это время в заведении был кто-то из университетских коллег, не принято было демонстрировать свое знакомство и здороваться: за пределами – пожалуйста. Один из наших выпускников в факультетской стенгазете поместил такое своё высказывание: «Все с «Аистом» знают, только признаться стесняются!».

Позже открыли дегустационный зал «Оксамит Украины», по диагонали от кафе «Алые паруса». В этот зал не стыдно было зайти с гостем самого высокого уровня. Высокая оценка качеству вин была дана болгарскими и немецкими учеными, которые в разные годы приезжали работать с коллекциями музея. Женщины, как правило, старались посетить Оперный театр.

В качестве памятного подарка из Одессы увозили пирожные, изготовленные в кондитерском цехе ресторана «Море», (когда мастер уехал в Израиль, слава фирменных пирожных осталась только в памяти), конфеты одесского производства, если повезёт – пиво «Мартовское», «Шампанское» одесского разлива. (Одесские коньяки появились позже). Что все те годы было проблемой – найти место, где было бы разливное пиво. За этим напитком ездили даже в с.Черноморку, если поступала информация, что оно там есть.

Специфика проведения экскурсий в палеонтологическом музее, точнее – умение ответить на вопрос посетителя сейчас же, без варианта: «Приходите завтра!» равно как и при чтении лекций в районах области по линии общества «Знание», поставил меня в условия своеобразные, не позволяющие оставить без ответа любой по сложности вопрос. Для этого нужно было много читать по разным отраслям знаний. Это, во-первых. Во-вторых, пришёл к выводу, что спектр интересов слушателей часто выходит за рамки официальных научных знаний. В некоторых случаях беседа выходила за рамки темы. Были, правда, и «проколы», как во время экскурсии с китайскими геологами в середине 90-х годов. Гости изъявили желание посетить какой-нибудь исторический памятник, известный за пределами региона. В качестве такого объекта выбрали Белгород-Днестровский. Однако когда зашёл разговор о исторических личностях какого-то определённого этапа города, выяснилось, что китайцы ничего не знают об Александре Македонском, которого знают, очевидно, все европейцы. В свою очередь, я ничего не знал о династиях китайских правителей, которые по времени соответствовали бы эпохе Александра Македонского. Чаще вопросы касались эзотерики, религии, духовных ценностей. Разное толкование некоторых понятий с научных позиций и бытовых, связанных с внутренним миром людей, побудило менять своё мировоззрение, искать ответы на такие вопросы, которые учёные мужи игнорировали в силу специфики материалов, опубликованных в популярных и авторитетных журналах, не говоря уже об учебниках, в которых, как известно, вообще и близко не было и нет ответа на ряд проблем. В это время я для себя открыл ряд авторов, которые освещали многие философские представления Востока, друидов, шаманов и т.п.

Трагедия личного плана, когда в 1990 г. погиб старший сын, окончательно переориентировала меня на информацию совершенно другого плана. Откуда-то из глубин памяти «всплыл» сюжет: Лето. Мы с Павлом Григорьевичем Ивановым идём через парк на Соборной площади. Во времена моего студенчества там был цветочный базар, на котором среди продавцов были цыганки. Одна из них обращается ко мне с предложением погадать, называет имя моей будущей супруги, говорит, что у меня будут два сына, что старший, Виталий, уйдёт в иной мир в возрасте 23 лет. Всё совпало! Как это объяснить, тем более, что в те годы я был убеждённым атеистом?

Начал искать ответы. Оказалось, что ответов на подобные ситуации очень много, ими занимались многие светила науки в разное время, но об этом мало известно рядовому читателю. Потребовались годы, чтобы сложилось своё представление об устройстве Мира.

Изложил мысли на бумаге, показал это И. П. Зелинскому. Он в те годы оставил должность ректора ОГУ, занимал пост советника ректора В. А. Смынтыны. И. П. Зелинский сказал:

– Это – новое мировоззрение. Нужно публиковать.

Закончил текстовую часть. В. Н. Кадурин советом и материально помог изготовить макет книги. Определились с названием: «Гомо сапиенс: воспоминания о будущем». Нашлось издательство, которое было готово опубликовать эту книгу. Редактор стал говорить о коммерческом успехе, будущей презентации. Договорились, что он берёт этот единственный сброшюрованный экземпляр ознакомиться, чтобы определить круг вопросов, над которыми следует поработать, на-

звал мне адрес для встречи и номер телефона. Я ему позвонил, как условились, пришёл по указанному адресу, но квартира оказалась запертой. Позвонил по телефону ещё раз. Услышал какой я нехороший человек и...остался без книги. Благо, что текст был у меня на кассете, которую я распечатал с помощью А. Зрелова, бывшего аспиранта.

Попытался убедить администрацию университета в желательности опубликовать мои рукописи с помощью университета. Текст книги два года пролежал у проректора Е. Л. Стрельцова. Как-то при встрече он сказал мне, что нужно идти лично на приём к В. А. Смынтыне. Встреча не обрадовала меня.

– Если бы это была часть вашей диссертации или научной статьи, я бы не возражал, – сказал ректор.

На факультете знали о моих неудачах. Свою помощь предложил зав. кафедрой физической географии и природопользования проф. Г. И. Швевс. Отдал ему экземпляр текста. Через время он мне сказал.

– Вы тут напутали. Если будет согласие, я отредактирую, но будет стоять моя фамилия, а затем ваша...

Почему напутал? Ведь я изложил свой взгляд. Понимая, что материал стареет, я обратился к В. В. Перевалову, своему старинному приятелю. Он посодействовал размещению текста в интернете по адресу: www.putipoznania.narod.ru. Философско-эзотерическая школа. «Гомо сапиенс: воспоминания о будущем».

Рукопись возвратилась ко мне после смерти Генриха Ивановича. Любопытная деталь: последний раздел в моей книге был посвящён изложению взглядов Рудольфа Штайнера по вопросу рационального земледелия. Уже после смерти Г. И. Швевса вышла его работа, посвящённая анализу основных положений труда Штайнера, известных в ряде стран под названием «Органическое земледелие». Будем считать, что идея осветить этот важный ныне вопрос ведения сельского хозяйства пришла Генриху Ивановичу ещё раньше, до того, как рукопись моей книги около года лежала (или не лежала) в редакторском портфеле Г. И. Швевса.

22 декабря (эта дата характерна самой длинной в году продолжительностью ночи) 2008 г. мне был очередной знак: случился микро инсульт. Вовремя сориентировались с супругой, обратился к врачам: уточнили диагноз, назначили амбулаторный курс лечения.

Во время одного из процедурных дней, когда в одиночестве лежал «под капельницей», стал анализировать события и возможные причины болезни. Из литературы духовного направления я имел представление о том, что причиной всех болезней (кроме простудных) являются мысли человека. Из этих же источников мне знакома истина: хочешь изменить Мир, меняй себя. Что же я неправильно помыслил? Пришёл к выводу, что ошибочным было моё представление, что в существующем ныне мире я ставлю перед собой не корректную задачу: хотя бы на расстоянии вытянутой руки мир создать таким, каким бы я хотел его видеть. Откуда-то пришло пожелание: «Будь, как все, но с соблюдением тех нравственных норм, которые представляют для тебя ценность». Странно, но, как только «разобрался с собой», началось выздоровление. Это было ещё одна подсказка к существующему в последнее время у меня пониманию мировоззрения.

Исходя из этих соображений, понимания морального права на свою собственную точку зрения на происходящие события, констатации того факта, что основные события в моей жизни уже состоялись, попытаюсь изложить своё отношение к тому, чем занимался большую часть времени и о чём имею представление.

Меня давно волновал вопрос значения палеонтологии для жизни рядового жителя Земли. Как известно, почти каждый предпочитает совершать свои собственные ошибки, не учитывая опыт предшественников или современников. Где уж там заниматься изучением причин вымирания древних млекопитающих в преломлении понимания этих причин для современного человека?

С другой стороны, во время экскурсий иногда звучали такие вопросы: почему во время военных событий в качестве трофея оккупанты, кроме материальных ценностей из музеев, богатых усадеб, коллекций собирателей древностей – вывозили кости ископаемых животных? В чём ценность костей?

Скорее всего, были знания, которыми не владеет современное человечество. Не исключено, что эти знания – сакрального характера. До сих пор нет вразумительного определения по поводу того, почему во времена палеолита наши далёкие предки «складировали» человеческие черепа в определённых местах? Почему во времена средневековья, в частности, когда территория Северного Причерноморья была занята турками, воины султана головы убитых казаков на пиках приносили в Стамбул? Это было «знаком воинской доблести», или вещественным свидетельством для получения своей части «вознаграждения» от разбоя, который был нормой жизни в те годы?

На мой взгляд, есть одно объяснение особого отношения к останкам органической жизни в целом. Для этого нужно допустить, что скелетные останки несли в себе часть энергетики той эпохи, когда жили эти млекопитающие. По этой же причине, очевидно, в качестве ретрансляторов энергии доледникового времени, в Германии продают поделки из бивней мамонтов, к которым прилагается пояснение подобного плана.

Данная тема имеет продолжение в эзотерической литературе. В частности, Рудольф Штайнер приводит сведения о том, что на Земле, для создания комфортных условий появившегося человека, «садовниками Земли» предварительно была проведена огромная работа. Были созданы условия, когда в неогеновое время на Земле произрастали леса с обильной листвой, которую поедали многочисленные травоядные. Пропуская эту листовую массу через свою пищеварительную систему, травоядные того времени «одухотворяли» эту массу, а на её основе в последующем образовались почвы.

До появления первых травоядных млекопитающих, возможно, подобную задачу на Земле выполняли динозавры. При этом, любопытно, что и те, и другие, занимали примерно одинаковые формы рельефа – равнины, невысокие плоскогорья, т.е. территории, на которых позднее поселился человек. Штайнер на этой основе считает, что корова в частном подворье является единственным существом, которое может (через навоз) существенно улучшить плодородие земли. Он считал навоз – «лекарством» для почвы.

Казалось бы, – далёкое от находок ископаемых форм жизни явление, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к пониманию замысла Творца. Что «толку» в новой находке учёными останков динозавров, слонов, носорогов и др. ископаемых животных? Нашли, выкопали, смонтировали. Ну и что из этого? Специалисты пытаются установить вид животного, время обитания, возможно, палеогеографические особенности времени обитания таких форм жизни. Опираясь на сомнительное определение «вида в палеонтологии» пытаются установить родословную линию, т.е. ближайших предков и «родственников». Следует заметить, что наши современники не допускают мысли о том, в какой степени эти формы соответствовали планам Творца – создания Человека. Может быть, древние формы жизни своими ощущениями окружающего мира должны были на генном уровне накопить какой-то «багаж» знаний и восприятий, лучшее из которого должно было послужить «базой» для внедрения в человеческое сознание?

В 1972 г. доктор психологии В. Н. Пушкин опубликовал результаты своих опытов, в результате которых был сделан вывод: человеческие психические процессы (восприятие, мышление, память) являются специализацией процессов, которые берут свои истоки... в растениях.

Может, не так далёк от истины аббат Агирре из Испании, который принимал участие в одном из международных совещаний геологов в Одессе, и на вопрос: «Почему он, палеонтолог и священник, занимается изучением останков древних хоботных и останков древних людей?», ответил: «Чтобы лучше понять замысел Творца!»

Создаётся такое впечатление, что палеонтология в том виде, как она существовала до настоящего времени, себя исчерпала. Сейчас стала модной молекулярная палеонтология, сравнительно новое направление, «ставящее перед собой задачу вычленив из ископаемых костей «живые» клетки с хромосомами и ДНК, и, так сказать, посмотреть, что там внутри. А увиденное использовать для научных реконструкций. Поначалу специалисты в этой области опробовали свои силы на останках воинов Александра Македонского и других, не очень древних объектах, от которых перешли к мамонтам, неандертальцам и кроманьонцам. ДНК обоих видов древних людей теперь в полном распоряжении исследователей. Это рассуждения «научников»-историков. Они же приходят к заключению о том, что «похоже, таки придётся сблизить во времени динозавра и человека». Последнее утверждение у меня не вызывает отторжения. Но где мнение палеонтологов? Или таковая наука перестала существовать вообще? Есть ещё один аспект этого вопроса: у меня не хватает знаний о такой стороне исследования – есть ли серийные результаты проведения анализов разных частей скелета (или туши животного), подтверждающие, допустим, что эмаль зуба, дентин, ткань ребра, когтя или копыта, длинной кости конечности имеют одинаковые клетки с хромосомами и ДНК? Но это должно быть проверено на нескольких особях, с отбором для анализа идентичных у разных форм частей тела или костей скелета. В доступной литературе я не встречал такой информации. Однако, настороженность вызывает тот факт, что в публикациях достаточно часто приводят данные об абсолютном возрасте той или иной находки.

Каким методом определяли абсолютный возраст? Известно, что метод определения по радиоактивному изотопу углерода (радиоуглеродный, или С-14) артефактов археологических стоянок даёт разные значения возраста для орудий материальной культуры и костей, с одной стороны, проб древесной золы из кострищ этих же стоянок, с другой стороны. Другой аспект: практически никогда не приводятся данные о том, что послужило материалом для опробования – артефакт, который и является объектом изучения или вмещающая порода, которая образовалась ранее, до того, как в неё попал артефакт?

Существует мнение, что наша цивилизация – пятая. По каким причинам предшественники прекратили своё существование? Современная оценка этих событий свидетельствует, что в регионах, где ранее существовали города и земли этих цивилизаций, ныне простираются пустыни...

Возможно, в силу того обстоятельства, что в мире всё обмен энергиями, человечество израсходовало природные энергетические ресурсы региона, заменив их чуждыми Природе своими энергиями?

На наш взгляд, с этих позиций можно пояснить: почему, как считают специалисты, «трипольские поселения» примерно через 30–60 лет от начала своего существования – сжигались, а жители уходили в новые регионы. Может земле давали «отдохнуть»? Кстати, внезапное и внешне не оправданное «покидание» своих жилищ отмечают и на Южном Урале, в Аркаиме, – «столице» огнепоклонников, возраст которого, по последним данным, равный или древнее знаменитого Стоунхенджа.

Возможно, наши далёкие предки владели представлениями о том, что по истечению, допустим, двух солнечных циклов (11+11) нужно менять место жительства? Или может, смена дислокации была связана с 17-летним циклом Сатурна? Какие события глобального значения могли быть связаны с этим циклом?

Дело в том, что многие современные города имели неоднократных своих предшественников в виде остатков поселений, расположенных слоями. Вспомним Рим, Москву, Новгород, Киев. Другими словами, есть много примеров, когда предки возвращались в те же места, которые по каким-то причинам были оставлены ранее. В связи с изложенным выше допустима мысль, что остаточные знания этих непонятных нам процессов осталась в системе землепользования ещё в недалёкие советские времена. Три года на поле возделываются какие-то культуры, а на четвёртый поле отдыхает, т.н. «пар».

Любопытна, на мой взгляд, информация о новом подходе к эволюции как таковой. В частности, появились сведения о том, что ...несколько лет назад исследователи получили древние версии белков и «прокрутили» эволюционный процесс назад и вперёд. Вопреки ожиданиям перед ними предстал мёртвый, нефункциональный белок. Из этого сделан вывод: кроме заложенных в программе мутаций произошли ещё какие-то изменения, которые не позволили белку приобрести те же свойства, что существовали у него ранее. «Нельзя повернуть эволюцию вспять», – сделал вывод Джон Торнтон из Массачусетского университета. Однако Майкл Линч из университета Индианы и некоторые другие учёные считают, что вернуться к прежним функциям можно не только обратным путём, но и через множество обходных маневров. Нынешние эксперименты лишь подтвердили это предположение. Возможно, движение по непонятным для нас траекториям и делает эволюцию достаточно продолжительной и разнообразной.

Не следует ли из этого вывод, что погибшие цивилизации были техногенными, далёкими от замыслов Творца. По этому же пути идёт нынешняя цивилизация?

И ещё одна сторона: Лев Мельников (журнал «Наука и религия») приходит к выводу, что наука живёт как вещь в себе и сама для себя, открытия же делают гении-дилетанты да технари-одиночки, а учёные мужи только заседают в академиях и заняты чем-то бесполезным.

Если взять науку в целом (поле научных смыслов), то здесь мы видим – в сухом остатке от обзора научных идей – столкновение интересов, тщеславие, зависть, вражду, подлость, замалчивание истины, если она вдруг у кого-то проклюнулась.

Почему критерием оценки вклада учёного принято считать количество опубликованных статей? Может, правильнее было бы учитывать количество ссылок на публикации каждого конкретного учёного?! Наверное, правильно было бы учитывать и актуальность вопросов, изучению которых этот учёный посвятил свой интеллект. Зачем засорять ненужными материалами информационное поле Земли – «ноосферу» по В. И. Вернадскому, после опубликования которых на вопрос:

– Ну и что из этого? – нечего ответить.

Интересно, как много современных учёных разделяют это мнение?! Что это за наука, если (на современном этапе) определяющим является не значение излагаемых положений, а принадлежность «к школе»? И что же, в конце концов, является причиной изменений климата? Кто ближе к истине: – те, кто считает, что Солнце вступает в новый цикл своей активности, или те, кто делится с читателем мыслями о том, что Солнце своей активностью приведёт к началу нового ледникового периода?

Поступила в редакцию 10.03.2011 г.